

АННА
СЕМИРОЛЬ

АЗИЛЪ
ОДЕРЖИЗНЬ

О
Д
Е
Р
Ж
И
З
Н
Ь

АННА СЕМИРОЛЬ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С30

Иллюстрация на переплете
и дизайн обложки *Оксаны Ветловской*

Семироль, Анна.

Одержизнь / Анна Семироль. — Москва : Эксмо,
С30 2022. — 576 с.

ISBN 978-5-04-164573-1

Со всколыхнувшей благословенный Азиль, город под куполом, революции минул почти год. Люди постепенно привыкают к новому миру, в котором появляются трава и свежий воздух, а история героев пишется с чистого листа.

Но все меняется, когда в последнем городе на земле оживает радиоаппаратура, молчавшая полвека, а маленькая Амелия Каро находит птицу там, где уже 200 лет никто не видел птиц.

Порой надежда — не луч света, а худшая из кар.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164573-1

© Семироль А., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

I

Цифры

К концу четвёртой пары силы остаются лишь на то, чтобы следить за передвижением полосы света над покрытой формулами доской. Когда апрельское солнце дотянется из окна до вентиляционной решётки на противоположной стене, ненавистная лекция по математике закончится. И целых четыре дня можно будет не думать о дробях, неизвестных, степенях и извлечении корней.

Худенький светловолосый подросток на заднем ряду у окна прикладывает правой щекой к нагретой солнцем парте. Пришурившись, он смотрит, как в пыльное стекло бьётся пчела. Насекомое недовольно жужжит, настырно раз за разом ударяясь о незримое препятствие. Лапки пчелы покрыты пылью, и кажется, что она одета в золотистые тёплые чулки. И где-то в улье её ждут с добычей...

Паренёк неслышно сползает со скамьи в проход между партой и стеной, с опаской косится на пожилого лысоватого профессора у доски. Тот настолько увлечённо повествует о величии цифр и красоте формул, что не обращает на студентов никакого внимания. Крадучись, парень добирается до окна, сдвигает

раму в сторону, выпуская пчелу на волю. Под звуки улицы в аудитории врывается свежий ветер, взметая листки серой бумаги на партах под оживлённые возгласы студентов.

— Месье Бойер! — восклицает профессор.

Подросток неохотно отворачивается от окна, улыбается, разводит руками:

— Простите, месье Сент-Арно. Пчела...

— Это важнее математики, месье Бойер? — В надтреснутом голосе звучит раздражение.

— Для пчелы — да, — со всей прямоотой и честностью отвечает светловолосый парень и опускает раму.

Следующая реплика профессора тонет в дружном смехе, и учёный муж сердито машет рукой в сторону нарушителя спокойствия, стряхивая с рукава облако меловой пыли. Вскоре в аудитории воцаряется тишина, и лектор возвращается к теме занятия. Подросток садится на своё место, вздыхает и делает вид, что внимательно слушает. Но сосредоточиться на математике не удаётся. Он думает о том, какое невезение — разозлить профессора в день визита куратора.

«Будто у меня и без этого мало неприятностей, — хмуро размышляет он, подпирая ладонью левую щёку. — Сент-Арно наверняка снова заладит о неуважении будущего Советника к старшим, о том, что Университет даром тратит на меня время, а я занимаю чужое место...»

Солнце кажется по-летнему горячим. Под его лучами утихает простреливающая боль там, где покрывают левую щёку шрамы от ожогов — от внешнего угла глаза к углу рта и оттуда к шее и плечу. Надо было слушаться сестру и не болтаться в феврале без шапки. Тогда бы не застудился, и ухо бы не пришлось лечить, и шрамы бы не дёргало так долго.

«Ничего, — бодрится мальчишка. — Прогреюсь на солнышке, и всё уйдёт — как весенняя грязь с улиц. Так было уже, когда мы в море в непогоду выходили. Просто нужно тепло».

Клонит в сон. Хочется поджать ноги, обнять себя за плечи и хоть немного подремать. Вернуться туда, где море, шаткая палуба «Проныры» и строгий взгляд серых глаз Акеми Дарэ Ка.

Одержимость

Грифель в испачканных мелом пальцах медленно выводит на серой бумаге: «27.07.69». Подросток шевелит губами, считая про себя, и через две минуты пишет рядом с первой записью: «271 день». Обводит несколько раз. Смотрит на цифры так, будто ждёт от них чего-то.

— Задание к следующей паре списываем с доски, — повышает голос профессор. — Не забываем, что через две недели — проверочная работа. Кто записал задание, может быть свободен.

Лекторий наполняется гомоном, шуршанием четырёх десятков грифелей по бумаге, шарканьем ног. Студенты торопятся переписать с доски уравнения, наскоро сметают со столов вещи, переговариваются. Светловолосый подросток с задней парты бережно складывает вчетверо исписанный листок, прячет в пластовый чехол грифель, закидывает на плечо старенький акриловый свитер и спускается по ступенькам лектория к выходу.

— Жиль, тебя подвезти домой? — окликает его восемнадцатилетний Кристиан Меньер.

Жиль качает головой и добавляет:

— Спасибо. Я сам.

Кристиан ему неприятен. Внешне всё хорошо, симпатичный, улыбчивый крепыш с коротко стриженными модным «дыбариком» тёмными волосами. Не вызывает доверия его стремление помочь, подвезти, подсказать на проверочной работе. Есть в поведении сына бывшего Советника что-то неискреннее. Жиль это чувствует, читает в хитрых насмешливых глазах молодого Меньера. Когда два года проживёшь на улице, начинаешь считать людей без труда.

— Поехали с нами, быстрее доберётесь! — настаивает Кристиан, широко улыбаясь.

Так улыбался и Рене Клермон в те моменты, когда рядом была Акеми. Улыбка для особых случаев, чтобы все присутствующие видели. От таких улыбок Жиль тошнило. Или хотелось стать слепым.

«Поторчи-ка за дверью, малыш. У нас с Акеми разговор минут на десять...» — и улыбка. Та самая, сладкая, любезная, сочащаяся ложью.

Жиль щиплет себя за руку, прерывая воспоминания. Мимо проходят студенты, покидая лекторий. Меньера уже подхватывает под руку одна из его подружек со Второго круга, тянет за собой. Хохочет наигранно, что-то рассказывает.

Кто-то легонько дёргает Жюля за волосы, заплетённые в косу. Ему даже оборачиваться не надо, чтобы знать, кто это. Лили Ру — милостивая курносая брюнетка с густыми волосами и мелкими острыми зубками — считает, что косичка Жюля Бойера приносит счастье, и всё норовит за неё подержаться. Он сперва сердился и шарахался, но постепенно привык. Лили безобидна. И считает Жюля чем-то вроде забавной игрушки.

— Мне сегодня нужна удача, — сообщает она, неловко краснея. — Андрэ ведёт меня послушать скрипку. Представляешь — настоящую скрипку!

Жиль не представляет, но раз Лили так нужно... Он вежливо пожимает плечами, улыбается. Девушка подмигивает ему и уносится за стайкой подруг. Жиль провожает их взглядом, улыбка медленно гаснет на губах.

— Месье Бойер?

Ну да, конечно. Лектор Сент-Арно — худшее, что есть для Жюля в Университете. «Сейчас попросит остаться», — вздыхает студент про себя.

— Думаю, ваш куратор уже прибыл, — медленно, словно по привычке диктуя лекцию, произносит профессор. — Прошу вас пройти за мной в кабинет декана.

Поникнув головой, юноша послушно плетётся за месье Сент-Арно по коридору, то и дело натываясь на студентов.

— Э, глаза потерял? Смотри, куда прёшь! Осторожно! — несётся то справа, то слева.

Можно было бы ударить. Вполне. Казалось бы, никто не держит. Беги себе, Жиль, двери в конце коридора открыты. И — к морю на обшарпанном красном гиробусе. Или...

— Двести семьдесят один, — тихо шепчет Жиль и переступает порог кабинета декана.

Ему не впервой бывать здесь, но он всякий раз благоговеет перед обилием книг в шкафах за стеклянными дверцами. Их

Одержизнь

несколько сотен — стоящих плотно, корешок к корешку, в потёртых и потускневших от времени переплётках, едва ощутимо пахнущих, будящих воспоминания о доме. Голова кружится, если вдуматься, сколько знаний хранят эти книги. А если это ещё и истории...

«Когда-нибудь решусь, — думает Жиль, скользя взглядом по книжным шкафам. — Подойду и посмотрю, о чём эти книги. Не может быть, чтобы это были только учебники. Столько наук в мире не наберётся».

Деликатное покашливание заставляет подростка оторваться от созерцания библиотеки и торопливо поздороваться с сидящим за столом деканом — мужчиной лет сорока с обманчиво мягкой улыбкой. Уж кому, как не Жилю, знать, каким строгим может быть месье Лабранш.

— Присаживайся, бессовестный прогульщик, — качает головой декан и указывает Жилю на скамейку перед своим столом. — Месье Сент-Арно, позвольте представить вам месье Канселье — куратора Жилия Бойера.

— Здравствуйте, — вздыхает Жиль, пряча в полупоклоне полный тоски взгляд.

Начальник полиции Артюс Канселье приветствует воспитанника вежливым кивком, пожимает руку профессору математики. Жиль забивается в дальний угол скамьи, опускает голову и замирает. Знает, что от общения куратора с Сент-Арно глупо ждать чего-то хорошего.

— Ну что ж, — начинает декан. — С вашего позволения, поговорим о деле. Так как я весьма заинтересован в успеваемости месье Бойера, я отслеживаю её по всем предметам. Результаты меня удивляют. Наш юный студент демонстрирует феноменальную память, высокую способность к усвоению материала. И категорическое нежелание учиться.

Канселье сдержанно хмыкает. Жиль делает вид, что в мире нет ничего интереснее грязи под ногтями.

— Месье Лабранш, скажу больше! — напористо встречает Сент-Арно. — У него нет никаких способностей к математике!

Абсолютно! Худший студент в группе, месье декан! Либо слишком юн, чтобы понимать царицу наук, либо просто необучаем.

— Необучаем? — усмехается декан Лабранш.

— Совершенно! Ни одной сданной проверочной работы! — кипит профессор. — На лекциях спит, прогуливает...

— Жиль, покажите мне, что записали сегодня, — строго требует Лабранш.

— Я забыл листок в лектории, — еле слышно отзывается подросток.

Канселье ловким движением вытаскивает из-под ладони Жилья сложенный листок и спрашивает:

— Этот?

— Отдайте! — вскакивает с места мальчишка, но поздно: листок ложится на стол перед деканом.

Лабранш разворачивает волокнистую серую бумагу, рассматривает, хмурится.

— Что значат эти даты? — спрашивает он.

Жиль молчит, стиснув зубы.

— Двести семьдесят один день — это что? Месье Сент-Арно, это ответ на задачу?

— Это чёрт знает что! — фыркает математик.

Канселье заглядывает в листок, раздумывает секунду, кивает сам себе, подходит к Жилью, кладёт руку ему на плечо, пожимает ободряюще.

— Месье Бойер, — строгим голосом окликает декан, — вы понимаете, что Советнику без образования нельзя? У нас уже был разговор на эту тему в январе, верно?

— Верно.

— Вас зачислили в студенты по результатам вступительного экзамена. Мой друг Ксавье Ланглу убедил меня в том, что вы очень способны. Сказал, что сам вас готовил по школьной программе. Результаты экзамена на знание языка и математики, способности к логическому мышлению и поиску нестандартных решений были великолепны. Если бы я не находился с вами рядом во время тестирования, я бы сказал, что это писали не вы.

Одержизнь

Лабранш делает паузу, вглядывается в листок бумаги перед собой.

— Двести семьдесят один день — это сколько недель?

— Полных тридцать восемь, — отвечает Жиль, не задумываясь.

— Часов?

— Шесть тысяч пятьсот семь.

— Неверно! — качает головой декан.

Жиль поднимает на него взгляд, полный тихой, сдержанной ненависти, понятной лишь Артюсу Канселье.

— С двух часов дня двадцать седьмого июля прошлого года до сего момента — ровно шесть тысяч пятьсот семь часов, месье Лабранш, — сдавленно произносит подросток. — Я могу извлечь из этого квадратный, кубический корень в уме, поделить на любое число, будь оно целым или дробным. Здесь, при вас, не пользуюсь счётами и записями. Но не хочу и не буду. Я не хочу получать образование только потому, что оно должно быть у выходца из элиты. Это не делает меня лучше или хуже, месье декан. Месье Сент-Арно неоднократно говорил, что я занимаю чужое место. Я согласен. Я не хочу учиться. Я не хочу становиться Советником. Мне это не нужно.

— Так, успокойся! — Руки начальника полиции стискивают тощие мальчишкины плечи. — Замолчи немедленно. Месье Лабранш, я прошу извинить моего подопечного. Подросток, возраст бунтарства.

Декан понимающе кивает.

— Месье Сент-Арно, я прошу прощения и у вас, — ровно и вежливо продолжает Канселье. — Уверен: будущий Советник Бойер возьмётся за ум и проявит себя в математике с лучшей стороны.

Жиль вскакивает, хватая со стола декана листок и выбегает в коридор. Спустя несколько минут начальник полиции Азиля находит юного Бойера сидящим под колонной в вестибюле.

— Вставай. Шагай в машину, — распоряжается Канселье. — Речи о твоём отчислении не идёт. Особенно после того, как ты отмочил этот фокус с числами.

— Валите в жопу! — злобно огрызается Жиль и получает звонкую затрещину.

— После вас, месье Бойер! — ехидно комментирует Канселье. — Не нравится учиться? Мыть полы в лекториях приятнее?

Жиль вспыхивает до корней волос. Откуда Канселье знает, чем он подрабатывает?

— Да, приятнее! Я хочу помогать отцу Ланглу, хочу работать, а не тратить время зря в компании элитариев! — вопит подросток. — Не нужна мне ваша учёба!

Канселье хватается за ухо, заставляя подняться. Пинком гонит к выходу на улицу. И только за дверью, убедившись, что никто не наблюдает за ними, он хватается Жюля за свитер на груди и тихо, чётко говорит:

— Ты будешь учиться. Ты дал слово отцу Ланглу — это раз. И два: только будучи Советником ты сможешь помочь той, чьи дни ты считаешь на лекциях по математике. Влюблённый уличный пацан ничего не изменит для неё, запомни. Но человек, стоящий у власти, — сможет. А теперь приведи себя в порядок и шагай вперёд. Мадам Вероника просила привезти тебя домой. Велосипед твой где? Забирай, привязывай к крыше машины, и поехали.

Жиль послушно идёт туда, где на площадке за Собором студенты Второго круга оставляют свой нехитрый транспорт. Канселье провожает его строгим взглядом и словами:

— Дай тебе бог не только ума и верности, но и хоть немного смирения, юный Бойер...

Электромобиль у Канселье неуютный. Жёсткое сиденье, запах курева, пропитавший обивку намертво. Жиль поглядывает на начальника полиции, забившись в угол, и пытается вспомнить, видел ли его хоть раз курящим.

— Поговорить хочешь? — не отрываясь от вождения, спрашивает парня Канселье.

Жиль пожимает плечами, отводит взгляд. Расслабленно смотрит на зелень полей, проносившихся за окном.

— У тебя друзья есть?

Одержизнь

Отвечать не хочется. Нет доверия к человеку, которого никогда не видел без полицейского мундира. Будто у этого человека нет ничего, кроме его работы. И любой разговор с ним похож на допрос.

— Послушай, тебе в жизни придётся говорить с разными людьми. Большинство из них будут неприятны. Учись общаться. — Голос Канселье смягчается, тон становится более доброжелательным. — Отец Ксавье наверняка обучал тебя и этому, верно?

— Почему ему не позволили быть моим опекуном? — спрашивает Жиль, ловя взгляд Канселье в зеркале заднего вида.

— Потому что никто не доверит опеку будущего Советника убийце, — жёстко отвечает начальник полиции.

Жиль подбирается, как сжатая пружина, и, схватившись правой рукой за ручку над окном машины, левой распахивает дверцу. Канселье бьёт по тормозам, электромобиль со скрежетом скользит по дороге несколько метров, останавливается.

— Ты что творишь? — наспех отстёгивая ремень безопасности, выдыхает Канселье.

Подросток спокойно дожидается, когда куратор выйдет из машины, подбежит к открытой настежь двери, и только тогда отвечает:

— Убийцей можете стать и вы. Стали бы им несколько секунд назад. Вас бы им назначили. И опекун из вас поганый.

Злится, понимает Канселье. Ох как злится. Да, не стоило при нём так отзываться о Ланглу. Чёртов пацан... Такой и правда из машины на ходу прыгнуть может. Потом не оправдаешься перед Советом.

— Ладно, Жиль. Извини, — примирительно произносит Канселье.

— Вы и мизинца его не стоите, — сверля взглядом пуговицу на его мундире, цедит Бойер.

— Хорошо, не стою. Давай-ка, пересаживайся вперёд. И пристёгивайся для надёжности.

— Вы ничего о нём не знаете, — продолжает Жиль. — Осуждать проще. Проще назвать убийцей того, кто спас ваш грё-

банный город. Кто сберёт его детей. А, да! Это и мой грёбанный город тоже. И я жив только благодаря отцу Ланглу.

Давая понять, что разговор окончен, Жиль захлопывает дверцу электромобиля и щёлкает блокиратором. Канселье возвращается за руль, чувствуя себя несколько неловко. С собственными детьми в возрасте Жили Бойера ему было куда проще общаться.

«А что дети? — думает Канселье, заводя двигатель. — Мои — обычные, домашние, спокойные, при отце и матери. Не сравнить с этим. Нет, зря я так про Ланглу. Мальчишка за него порвать готов, не учёл. А врагами нам с ним быть совсем нельзя...»

Он заглядывает в зеркало заднего вида. Бойер сидит, глядя перед собой, рот — прямая линия. В голубых глазах стыннут льдом упрямство и тоска. Вот как теперь говорить с ним?

— Жиль, — окликает его Канселье, — я прошу прощения за свои слова. Мир?

Молчит. Замкнулся, закрылся, и ключа не найти. «Это пока не найти, — кивает сам себе Канселье. — Нет, Жиль, нам придётся ладить. Как бы тебе ни хотелось, чтобы я оставил тебя в покое».

Электромобиль продолжает свой путь к Ядру, погромыхивая помятым задним крылом. Канселье собственноручно выправляет его после того, как машина побывала в толпе во время беспорядков. Стекло пришлось менять, а вот жестяных деталей не нашлось. Зато они со старшим сыном приобрели ценные навыки в ремонте электромобиля.

«Сегодня — начальник полиции, а кем я буду завтра при новой власти — неизвестно, — рассудил тогда Канселье-старший. — А умения разные нужны».

Взметнув облако пыли, их обгоняет машина кого-то из богатых студентов: за рулём юнец, на заднем сиденье три девчонки, машут руками в открытые окна. Канселье провожает их взглядом и оглядывается на Жилия. Тот с безразличием смотрит на линию горизонта.

— Кажется, твои друзья, — пытается завязать разговор Канселье.

Одержизнь

— Элитарии мне не друзья, — отрезает подросток.

— Суров! И как ты думаешь жить в Ядре, не общаясь с равными по происхождению?

— Если мне уготовано работать на людей, общаться я буду с теми, для кого стану работать.

— Пример Доминика Каро для тебя ничего не значит?

— Я не собираюсь вести в Ядро тех, кто дорог. Я сам к ним уйду.

Начальник полиции не может сдержатъ усмешку.

— Что? — насторожённо спрашивает Жиль.

— Да ничего. Возраст у тебя замечательный. Всё в мире либо чёрное, либо белое.

— Либо я не хочу с вами разговаривать.

— Да чёрт с тобой, не разговаривай. Только дверь больше на ходу не открывай.

Остаток пути до Ядра Жиль спит, натянув на голову безразмерный свитер, а Канселье думает о своём. О том, что сын всё больше времени проводит со своей девушкой, а дочь всё кашляет и кашляет с самой зимы.

Ворота КПП открываются, охранник отдаёт честь, пропускающая помятый электромобиль начальника полиции на территорию Ядра.

— Хоть за автомат подержись для приличия, раз документы не проверяешь, — шутит Канселье, опустив оконное стекло, и медленно ведёт машину по мостовой под аркой ворот.

Разбуженный мальчишка на заднем сиденье зевает, трёт глаза, озирается по сторонам. Провожает сонным взглядом особняк Каро на вершине холма у поворота к реке, по-детски вытягивает шею, пытаясь заглянуть через перила, когда машина выезжает на мост.

— Красивые цветы, — кивает в сторону роскошного сада Канселье. — Кто там живёт? Кажется, семья месье Сержери?

— Угу, — откликается Жиль. — Вероника брала луковицы тюльпанов у старенькой мадам Кристель. Вон тех, полосатых, с пушистыми краями.

Грядки с затейливо посаженными тюльпанами превращают садик перед домом в роскошный яркий ковёр. Голубые мушкетеры напоминают маленькую реку, в которую глядит апрельское небо. Заметив, что Жиль засмотрелся на цветы, Канселье сбрасывает скорость.

— Не надо, — негромко говорит его пассажир. — Выглядит так, будто...

Он не договаривает, замолкает. Канселье пожимает плечами, и электромобиль сворачивает в сторону Оси. На подъезде к главному зданию города бушует цветущая форзиция, и дорога утопает в золотых облаках. Золото сменяет нежный розовый — сакура. Прищурившись, Канселье смотрит на высокие деревья, припоминая, сколько же лет самой старой сакуре — вон той, высоченной, стоящей отдельно.

— Теперь весь мир будет таким, да?

— Ну... с годами, думаю, да.

— Я выходил за пределы города, — говорит Жиль, всё так же глядя в сторону. — Несколько раз. И видел только травы. Высокие травы, можно заблудиться.

— Деревья тоже есть, — уверенно произносит Канселье. — Только маленькие ещё. Я недавно видел саженцы, они сейчас очень быстро растут. Быстрее обычных деревьев, которые сажают в парке. А в Третьем круге трава выросла даже на крышах. Видел?

Жиль сдержанно кивает. Канселье в очередной раз выворачивает руль, машина съезжает с главной улицы и метров через сто останавливается напротив увитой плющом ограды. Жиль подхватывает с сиденья связанную сестрой сумку-торбу и, толкнув дверцу плечом, быстро выскакивает на тротуар.

— Боится он меня, что ли? — бурчит под нос Канселье, выключает двигатель и следует за подопечным.

Подросток лихо перемахивает через полутораметровый забор, отпирает ворота, пачкая пальцы ржавчиной.

— Да я бы через калитку зашёл, — усмехается начальник полиции.

— Так ключа нет.

Одержизнь

— А ты отмычкой.

В ответ Бойер бросает на него такой суровый взгляд, что Канселье чувствует себя неловко. Желание шутить с пацаном тут же пропадает, и мужчина молча следует за Жилем к виднеющемуся в глубине одетого юной листвой сада двухэтажному дому с огромными окнами от пола до потолка и односкатной крышей. Тропинка огибает дом семьи Бойер по часовой стрелке, открывая светло-серую стену из материала, имитирующего камень.

— Здрасте, месье Артюс! — звонко кричит с балкона семилетняя дочка Вероники — Амелия.

— Веснушка, зови маму, — распоряжается Жиль. — Месье Канселье к ней.

Вероника уже встречает их у дверей, одетая в мужские брюки, перемазанные землёй, и голубую рубашку навывпуск. Светлые, как у брата, волосы подколоты шпильками в высокую причёску, руки теребят тряпку.

— Здравствуйте, месье Артюс. Прошу прощения: занималась садом, не успела привести себя в порядок. Проходите, пожалуйста. Ой, забыла: Амелия у нас сегодня невидимка. Мы с Ганной её заколдовали, — говорит она и заговорщицки подмигивает.

— Веро, месье Канселье хотел с тобой пообщаться. А я пойду велосипед в дом занесу, — не давая никому вставить слова, выпаливает Жиль и быстро выскальзывает за дверь, вопрошая на ходу: — И где же эта веснушка? Обещала мне помочь со звонком на велике, а теперь её нигде не видно...

Мимо взрослых пулей проносится рыжеволосая малявка в шерстяном платье и носках. Дверь хлопает снова, и Вероника разводит руками:

— Ну... раз уж дочка сегодня невидимка, я не видела, как она ушла. Чашечку чая, месье Артюс?

— Да, мадам. Не откажусь.

Хмурое лицо Канселье озаряет улыбка, и он следует за Вероникой в гостиную. Эта маленькая беззащитно-хрупкая женщина с некоторых пор вызывает у него исключительно вос-

хищение. Дело не в её юности и красоте, вовсе нет. По долгу службы Артюс Канселье прикоснулся к личной жизни четы Каро, и то, что открылось ему, заставило по-иному относиться к Веронике и Бастиану. Настолько, что подписанную бумагу о разводе он не решился доверить посыльному, привёз мадам лично.

За чаем Вероника говорит о чём угодно, только не о своей семье. О цветах, что сажает в палисаднике. О детях начальника полиции. О полученной работе и о маленьких школьниках Второго круга, которых обучает чтению и письму. О запасных частях от электромобиля покойной матери, которые, возможно, подойдут месье Канселье для его машины. О снеге, что выпал неделю назад и лежал почти сутки...

— Мадам Бойер, — мягко прерывает её рассказ Канселье. — Я хотел бы поговорить о вашем брате.

Вероника умолкает, сжимает губы в строгую линию — совсем как Жиль. Смотрит серьёзно и прямо.

— Вы о том, что он не хочет наследовать место отца? — спрашивает она, бесшумно касаясь ложечкой чайнок на дне чашки.

— Да, мадам. Его упрямство и нежелание учиться заставляют меня опасаться за будущее Совета.

— Месье Артюс, боюсь, всё куда хуже. Он и дома не всегда ночует. Единственный способ оставить его рядом — говорить, что мне без него одиноко. Иногда страшно. И ради меня он живёт в Ядре, хотя считает, что здесь ему не место. И я не знаю, что может заставить его следовать предназначению.

Канселье отставляет в сторону опустевшую чашку. Осторожно постукивает ногтем по хрупкому белому фарфору и с сожалением говорит:

— Я просчитывал разные варианты, но, похоже, сработает только один. Заставить его работать на город может лишь желание облегчить жизнь тех, кто ему дорог. И вы очень поможете, если попробуете ненавязчиво подвести брата к этой мысли.

Вероника качает головой, не отрывая взгляда от дна чашки.

— Вы заходите не с той стороны, месье Артюс.

Одержизнь

— И вы не хотите мне помочь? — мягко спрашивает он.

— Нет. Жиль прекрасно знает, что общества вне Ядра для меня не существует. И если я начну просить его помочь людям из низов, это прозвучит фальшиво. Я не имею права на фальшь.

— Лукавите, мадам Вероника. Говорите, вы не заинтересованы в низах? Зачем тогда вы устроились работать в школу Второго круга? А как насчёт Ксавье Ланглу?

Тонкие пальцы с аккуратными бледно-розовыми ногтями обнимают чайную чашку чуть сильнее, нежели просто в попытке согреться. В синих глазах всё та же безмятежность и вежливость, но...

— Месье Канселье, — тщательно подбирая каждое слово, говорит Вероника, — если вы знаете что-то, что вас совершенно не касается, не торопитесь это использовать. Может сработать не так, как вы ожидаете.

Канселье кивает, встаёт из-за стола.

— Я вас понял, мадам. Прошу прощения. Впредь обещаю быть более тактичным. Благодарю за гостеприимство, мне пора возвращаться.

Молодая женщина улыбается, но начальник полиции видит, что это лишь дежурная вежливость. И он спешит добавить:

— Ещё раз простите, мадам. Я не хотел вас обидеть. Со всем уважением к вам и вашему дому.

Она провожает его до ворот и, когда он садится в машину, тихо говорит:

— Когда вы приходите в мой дом гостем, я вам рада. Но когда начальником полиции — мне хочется захлопнуть перед вами двери. Я прошу вас помнить об этом.

Велосипед бодро громыкает по тропинке, ведущей к реке. Ядро давно осталось позади, Жилью удалось улизнуть до того, как куратор покинул их дом. Мальчишка сбрасывает скорость на повороте, чуть отклоняется влево. Маленькие руки, обнимающие его за талию, сжимаются крепче, в спину утыкается усыпанный веснушками нос.

— Что ты видишь, когда закрываешь глаза?

Анна Семироль

Жиль улыбается. Умеет же она спросить, даром что такая мелкая.

— Невидимок, — отвечает он.

— И меня видишь?

— Тебя — особенно. Ты опять слюнявишь мне свитер. Зачем?

Девочка вздыхает:

— Он мне нравится. У него цвет печенья. Я пробую цвет на вкус.

Жиль ловко огибает разросшийся лозняк, велосипед подбрасывает на кочке, Амелия звонко ойкает.

— Не пищи, не уроню. Держись крепче. Так какой самый вкусный цвет?

— Конечно, зелёный! Он никогда не обманывает, он всегда свежий!

— Хорошо, что у твоей мамы нет зелёных платьев, — смеётся подросток.

Амелия звонко вторит ему. В обществе девочки Жилю удивительно спокойно. Или, как говорит Вероника, комфортно. Амелия с первого дня их знакомства признала Жилю своим. Наотрез отказалась называть его дядей, привела свой логичный довод: «Дяди мальчишками не бывают. Дяди — это только взрослые. Мам, можно он мне тоже будет брат?»

— Жиль, а почему я своё платье вижу, а ты меня не видишь совсем?

— Ты же для себя видимая, вот так вот.

— Но оно же не я. Ты должен видеть не меня, а платье, ботинки, бант...

Ох, трудно поддерживать эту игру, но приходится.

— Тебя в чём заколдовывали? Голую?

— Не-а! Одетую.

— У Ганны всегда было жутко сильное колдунство. Вот твоим вещам тоже досталось. Эй, там впереди твой любимый участок пути. Готова?

Тропинка мягко идёт под уклон. Ровная, прямая, ни кочек, ни камушков. Жиль плавно набирает скорость, крепко держит

Одержимость

руль. Амелия за его спиной радостно верещит, разжимает руки, раскидывает их в стороны.

— Мы лети-и-им! — кричит она и смеётся.

Ветер бьётся под одеждой Жилия, пьянит, наполняет тело невероятной лёгкостью. Даже если не закрывать глаза, кажется, что он парит над землёй, над городом. И мир отдаляется, становится таким маленьким, что можно взять Азиль в горсти вместе со всеми жителями, фабриками, домами, Собором и сине-серой ленточкой Орба, перехваченной шестью мостами. Хочется отпустить руки, стать сорванным ветром листком, довериться воздуху, но каждую секунду Жиль помнит о том, что за его спиной — маленькая девочка, бесценное сокровище, человек, который одним своим присутствием облегчает любую боль.

«Ночь после возвращения, — шепчет ветер. — Ты помнишь?»

Жиль помнит.

Скользкие от чужой крови слабые пальцы, которые он пытался удержать до последнего. Зрачки, суженные до точек. Грязь, размазанная текущими по лицу слезами. Безумное, повторяемое, как молитва: «Всё хорошо, всё будет хорошо, ты живой, ты есть...» Она сорвала голос, зовя его по имени, пока полицейские запикивали её в машину.

Слепота. Беспомощность. Тщетный поиск её тепла, вкуса, запаха. Так голодный младенец, оставленный в темноте, отчаянно ищет мать. Её, которая значит жизнь. Её, которая есть свет, любовь, центр мироздания, смысл бытия.

«Жиль, ты меня слышишь? Всё обойдётся, её освободят. Жиль, успокойся. Дыши. Всё будет хорошо...»

Он цеплялся за голос учителя, старался слушать, слышать, подчиняться. Но через час арестовали и Ксавье Ланглу. За ним пришёл лично Канселье.

Мир сделался зыбким, как серая студенистая масса. Бог из света и любви превратился в неумолимое возмездие — а затем и вовсе покинул город, сгорбившись и хромя, словно старик. Силы впитались в серые стены кельи Собора. Воздух стал вязким, забил горло на вдохе. Темнота обняла, стиснула, сковала,

повлекла за собой Жиля, потерявшего смысл сопротивляться и тянуться к свету.

«Эй! Эй, ну посмотри же!»

Звонкий голосок и резкий хлопок заставили Жиля вздрогнуть и открыть глаза. Город, что терялся где-то за пеленой, внезапно обрёл лицо, обрамлённое ярко-рыжими кудрями, круглые карие глаза и веснушки на курносом носу. Девочка. Это маленькая девочка лет шести.

«Смотри! Повторяй! Считаем!»

Она хлопнула в ладоши, и Жиль словно против воли повторил. Девочка довольно кивнула, хлопнула ещё дважды.

«Слышишь, да? Это сколько? Правильно, два. Повтори! А теперь сколько? Три, молодец! Как думаешь, сколько раз я сейчас хлопну? Подумай хорошо!..»

— Ты меня вернула, — еле слышно говорит Жиль и улыбается.

После он много раз ломал голову над тем, как Амелия это сделала. Спрашивал у неё — получал один и тот же ответ: «Мне надо было, чтобы ты прислушался и подумал головой. Ты слышал звук, ты думал следующую цифру. Это моё колдунство».

Один. Один. Два. Три. Восемь. Одиннадцать. Девятнадцать...

— Хватайся! — командует Жиль.

Амелия заливается счастливым смехом, и, лишь почувствовав её руки, смыкающиеся вокруг талии, он мягко нажимает на тормоз, останавливая велосипед.

Жиль ставит левую ногу на землю, медленно выдыхает. Сердце колотится так, будто он сам только что бежал. Нёсся под горку с радостно визжащей крохой на закорках. Ощущение постепенно тает, восстанавливается обычный ритм дыхания и пульс. Всё. Теперь перекинуть через раму правую ногу и помочь спешиться Амелии. И не забыть, что она невидимка, да.

Девочка вприпрыжку носится по берегу Орба, собирает камешки, рассовывает по карманам. Жиль сидит на нагретом солнцем валуне, подставив изувеченную щёку тёплым лучам. Двигаться не хочется совсем, и он лишь наблюдает за Амелией из-под опущенных ресниц.

Одержизнь

— Веснушка, ты где? В воду не лезь, мама за мокрые носки выругает!

«Невидимая» девчонка скачет вокруг него, зажав рот ладошками, чтобы не смеяться. Напрыгавшись, садится на корточки поодаль и старательно складывает один камень на другой, строя башню. Больше четырёх окатышей уложить не удаётся, но терпению Амелии можно позавидовать.

— Камушки шевелятся, — с деланным удивлением восклицает Жиль. — Малышка, это ты тут?

— Это не я, это они сами! А я уже сплавала на тот берег и обратно, — гордо заявляет Амелия.

— Значит, мама будет в гневе, — шурясь на солнце, констатирует Жиль. — Сладкого никто из нас не получит, а тебя никто не расколдует.

— Ну и хорошо! А сладкого я наворую, всё равно не видно, что это я!

— Да отлично, что уж. Все будут наступать тебе на ноги, толкать, садиться к тебе на колени за столом. А твои друзья не смогут играть с тобой и станут вести себя, словно тебя нет. Вот так вот.

Амелия мрачнеет, рассматривает на свет свои пальцы.

— Может, оно само пройдёт, а?

Жиль фыркает, не сдержавшись:

— С чего ему? У Ганны очень сильные заклинания, а уж с мамой вместе они заколдовали на совесть!

Амелия предпринимает ещё одну попытку построить башню, но камешки снова рассыпаются. Она разочарованно вздыхает, встаёт, отряхивает руки и идёт к Жилю:

— И что, совсем-совсем не видно, да?

Жиль старательно делает вид, что смотрит сквозь неё.

— Абсолютно. Разве что в грязи тебя измазать.

Круглое личико Амелии становится очень печальным, губы кривятся:

— И... и ты не сможешь увидеть, сержусь я на тебя или улыбаюсь?

— Ага.

В детских глазах мелькает страх.

— И сможешь забыть, как я выгляжу? Вот даже если ты не шутишь сейчас, ты правда сможешь забыть?! И все-все забудут? И Бог тоже?!

Тут уже Жилю становится не по себе.

— Эй... Иди-ка сюда, невидимая девочка, буду тебя расколдовывать!

Он закрывает глаза, подхватывает Амелию на ощупь под мышки, бежит с ней к самой воде, вскидывает над собой. Девочка испуганно хватается за его руки, косится на искрящуюся серебром поверхность Орба.

— Держись крепко-крепко!

Жиль отступает на шаг от кромки реки и, перехватив малышку понадежнее, раскручивает её, вращая вокруг себя. Амелия сперва держится за него мёртвой хваткой, зажмурив глаза, а потом лицо её расслабляется, и вот она уже словно парит над землёй, доверившись ветру.

— Здорово-здорово-здорово! — довольно верещит Амелия. — Ещё кружи! Ещё! Лета-а-а-ать!

Когда над широким, ленивым Орбом звучит детский смех, Жиль чувствует небывалое облегчение. Словно кто-то большой снимает обруч, сковывающий его виски, и падает с глаз серая пелена, и мир обретает краски, звуки, запахи. Жиль снова ощущает себя нужным и сильным, пропадает выматывающее отчуждение и тоска. И хочется таскать рыжую малявку на закорках, подбрасывать её высоко, бегать с ней по берегу наперегонки, щекотать так, чтобы она заливалась хохотом, учить пускать камешки по воде и свистеть, сунув пальцы в рот.

— Ещё, ещё! — требует она, и он кружит её по берегу, пока усталость не берёт своё.

Почувствовав под ногами землю, раскрасневшаяся Амелия делает пару шагов и падает.

— Ой, от меня мир убегает! — довольно восклицает она. Жиль усаживается рядом.

— Ну вот, теперь я тебя вижу. У тебя румяные щёки и испортилась причёска, — радостно сообщает он.

Одержизнь

— Дурацкая игра эта невидимка, — говорит вдруг Амелия. — Страшная какая-то. А вот летать — здорово!

— Очень, — подтверждает Жиль и ложится на камни, пережидая головокружение.

Амелия перебирается поближе, убирает с его лица чёлку.

— Это опять болит?

От прикосновения её пальцев боль под шрамами отгрызается, заставляя Жилия поморщиться.

— Угу.

— У тебя там что-то горькое и серого цвета. Лежи спокойно.

Она долго устраивается рядом с ним, возится, укладываясь поудобнее. Наконец ложится, прижавшись щекой к его щеке, рыжей макушкой упираясь мальчишке в шею и плечо.

— Эй, ты зачем вверх тормашками-то?

— Полежим так чуть-чуть...

И боль исчезает. Быстро, словно кто-то спугнул крысу, и она унеслась прочь. Будто не было её совсем.

Щекочет нос рыжий локон. Жилю ужасно хочется чихнуть, но он терпит, дышит ртом. «Если я пошевелюсь, всё пропадёт, — думает он. — Так уже было. Убираешь тепло — снова побаливает».

— Жиль, а давай сделаем что-нибудь, что нельзя? Например, обойдём стену.

— Какую стену? — не сразу понимает он.

— Между Вторым и Третьим кругом. Которая людей друг к другу не пускает.

— Её не обойти, веснушка.

— Почему? Она же не круглая. Потому что Второй и Третий круг — это вообще не круги! Значит, у неё есть концы.

Жиль задумывается. Ну да, название «круг» — условное. Скорее, полукруги. Круг — это Ядро и его стена. Третий круг — большая капля, узкой частью уходящая к морю. А Второй — маленькая капля, площадью в каких-то пару квадратных километров. И между ними стена, которую реально обойти, если только...

— Ну есть же концы? — требовательно переспрашивает Амелия.

— Есть. С одной стороны стена на двести метров уходит в море. И обогнуть её можно только на судне. Или на лодке. А лодок в Азиле мало. Да и береговая охрана поймает и по ушам нападёт. Они строгие.

Амелия вздыхает, переползает на четвереньках к Жилю под бок, устраивается поуютнее.

— А что с другого конца?

— Орб. Широкое обрывистое место с быстрым течением и омутами. А ещё там сети расставлены. И если кто рискнёт вплавь перебраться — запутается и утонет. Или по ушам получит от береговой охраны, если доплывёт.

— Зачем так сделали, Жиль?

— Чтобы все ходили через ворота, — скучно отвечает он и кончиком пальца касается малышкиного носа.

Амелия что-то тихо напевает, убаюкивает. Время течёт медленно, со стороны моря тянется вереница дождевых облаков. Жиль рассматривает их, видит то полужнакомый профиль, то раскрывающиеся в вышине цветы, то плывущих в толще морской воды рыб. Веки тяжелеют, сон крадётся на мягких лапах...

— Проснись. И расскажи, что ты видишь, когда закрываешь глаза.

Небо. Серые тучи от края до края. Как бетонная стена вокруг тюрьмы, перед которой он только что стоял.

— Невидимок, — отвечает Жиль одними губами. — Я же говорил тебе.

Девочка тоже смотрит в небо.

— Там что-то есть. По ту сторону облаков. Поехали скорее домой.

Всю обратную дорогу Амелия молчит и, лишь когда велосипед выезжает из-под арки пропускного пункта, просит:

— Давай проедем мимо дома папы? Только ты не останавливайся, пожалуйста.

Жиль пожимает плечами, нажимает сильнее на педали, пуская велосипед в гору.

Одержизнь

«Зачем ей туда? Она же отца боится до слёз, — думает парнишка, прислушиваясь к мерному сопению Амелии за спиной. — Суд запретил ему к ней приближаться, но вдруг он выбежит и нас догонит? Тьфу, глупость, конечно. Он под домашним арестом, не выбежит. Вон охрана у ворот стоит».

Чем ближе он к роскошному особняку на вершине холма, тем сильнее цепляется за него девочка. Жилю становится её жалко.

— Слушай, может, домой поскорее? Сама же просила.

— Я просто хотела посмотреть, там ли зверь, — шёпотом отвечает Амелия, выглядывая из-за его спины. — Но я не вижу.

— Давай в другой раз посмотрим, а?

Не дожидаясь ответа, он разворачивает велосипед и уезжает в сторону их дома на восточной окраине Ядра. Всю дорогу девочка оборачивается и с тревогой смотрит в небо над особняком Каро.

— Это не за тобой, папа, — тихо бормочет Амелия. — Не за тобой...

Ливень накрывает Азиль после заката. Прямые холодные струи яростно долбят по крышам, молодой листве и первым цветам, словно пытаясь сшить небо с землёй. Орб вскипает, разбуженный стихией, мечется в берегах, бросается на опоры мостов, ворочает камни на пляжах, треплет за тонкие косы-веточки молодой лозняк. Дороги превращаются в ручьи, поля вокруг города — в жидкую грязь. На окраине Третьего круга ливень подтачивает ослабленный синим льдом заброшенный дом, и тот с грохотом рушится, погребая под завалом арку КПП, соединяющую сектора, и часть бетонной стены.

Поздним вечером порывом ветра в комнате Амелии распахиивает окно, и девочка, разбуженная шумом и холодом, испуганно зовёт мать. Вероника открывает глаза, осторожно высвобождается из объятий спящего Ксавье Ланглу, накидывает пеньюар и торопится в комнату дочери.

— Мама, мам, там наши цветы смывает, — горестно сообщает девочка из-под одеяла. — И на чердаке ходит дождезверь.

Вероника закрывает окно, проверяет надёжность задвижек, целует Амелию в лоб.

— Это просто весенний душ для всего города, — успокаивает она дочку. — Бог поливает мир, чтобы всё лучше росло. Цветы не смоят, не бойся.

— Людей же иногда смывает, — сонно бормочет Амелия, закапываясь в подушки.

— Не в этот раз.

— А где Жиль?

— Спит в своей комнате. А по чердаку гуляет Миу-Мия, вот.

Вероника присаживается на край дочкиной кровати, Амелия кладёт руку поверх одеяла, и мама поглаживает её. Проходит несколько минут, и девочка снова засыпает. Вероника спешит обратно в спальню, но свет из коридора на первом этаже заставляет её бегом спуститься по лестнице в прихожую.

Ксавье, уже одетый в рубаху, брюки и мокрый плащ, шнурует на пороге высокие ботинки. Веро грустно опускает голову, подходит к нему.

— Пожалуйста, не уходи, — еле слышно шепчет она.

— Родная моя, я должен.

Он завязывает шнурок, распрямляет спину. Ласково улыбается поникшей Веронике:

— Утром служба. А после полудня мне идти навещать прихожан. Ты же знаешь.

— Ксавье, там проливной дождь, ты и так вымок! — Она ловко расстёгивает пуговицы на его плаще, тянет за рукав. — Нет, я тебя не отпускаю!

— Веточка, утром я должен быть в Соборе.

— Не должен, нет! — Она порывисто обнимает его за шею, быстро целует, стаскивает мокрый плащ с плеч. — Тот кюре, которого взяли тебе на замену, проведёт мессу. А к полудню ты вернёшься.

Он молча качает головой, поправляет одежду. Вероника в отчаянии заглядывает ему в лицо:

— Ты же простудишься... Ну как я могу тебя отпустить под такой ливень?

Одержизнь

— Я крепкий, не волнуйся обо мне.

Широкая ладонь тянется погладить светлые локоны Вероники, но та уворачивается, распахивает дверь и выбегает под дождь.

— Чего ты боишься, Ксавье? Что люди осудят тебя? — кричит она, сжимая кулаки. — В этом доме некому тебя осуждать! Ни детям, ни слугам! А другим, о которых ты думаешь, не должно быть никакого дела до нас! Ты имеешь на меня право! Мы можем быть вместе, жить в одном доме! Не пару часов в неделю, тайком, как преступники! Это не жизнь, Ксавье...

Он заносит её в дом, ставит босыми ногами на ковровую дорожку. С волос Вероники капает вода, пеньюар промок насквозь, облепил покрытую мурашками кожу. Молодая женщина замёрзла, губы дрожат.

— Ты боишься публичного греха, Ксавье? Не это страшно. Грех — это оставаться несчастным, отталкивая от себя то, что даёт тебе Бог.

Ксавье Ланглу молча запирает дверь, разувается, снимает плащ. Подхватывает на руки Веронику и уносит её в ванную, где долго растирает полотенцами. Она не говорит ни слова, прислушивается к дождю, барабаниющему по окнам, отводит глаза. «Боится, — понимает Ксавье. — Она боится, что я уложу её спать и уйду, как всегда. Как всегда...»

Мокрая тряпка пеньюара отправляется в таз с грязным бельём. Закутанная в большое полотенце Вероника сидит на коленях Ксавье на краю ванны.

— Послушай, пожалуйста, — негромко говорит он. — Я постоянно думаю о том, для кого из нас Бог тебя вернул. Для меня или для Амелии. Чаще всего я сам себя убеждаю, что для Амелии. Это даёт мне силы быть в стороне, беречь вашу маленькую семью от себя. Я боюсь за тебя, за Амелию, за Жилу. Вы беззащитны перед людской завистью и злобой. Совершённое мной преступление бросает тень и на вас, как на самых дорогих мне людей. Это гонит меня прочь из вашего дома. Но в глубине души я верю... нет, я точно знаю, что ты вернулась ради меня. Что Бог хочет, чтобы ты и я были вме-

сте. Бог странный, Веточка. Всякий раз он ставит нас перед выбором. Даже когда всё очевидно, мы всегда делаем выбор внутри себя. Сегодня я хочу думать только о нас с тобой. Но как сберечь, если...

— Я поняла тебя, — перебивает она мягко и обнимает его. — Ты прав. В тебе всегда говорил здравый смысл. Но сейчас он подпитан страхом. Ксавье, я не боюсь слухов. Я не боюсь зависти. Позволь мне быть менее уязвимой. Верь в меня хоть капельку больше. Тебе будет спокойнее. И всё у нас будет хорошо.

Утром сонный Жиль, уже одетый на учёбу, спускается завтракать и застывает, открыв рот. За столом в гостиной сидит отец Ланглу и поглощает омлет с поджаренными полосками грудинки. Вероника, розовощёкая и растрёпанная, быстро подносит к губам чашку, пряча улыбку.

— Доброе утро, — смущённо произносит Жиль. — Вот так вот...

— Доброе утро, Жиль. Присоединяйся, — приглашает воспитанника Ксавье.

Неловко грохоча стулом, подросток усаживается за стол. Косится на довольную сестру, чешет кончик носа. Из кухни выплывает Ганна, плавно колыхая юбками и напевая, ставит перед ним тарелку.

— Вся семья в сборе! — радостно восклицает нянька. — Мадемуазель Амелии только не хватает.

— Мадемуазель так вчера нагулялась, что проспит до обеда, — уплетая омлет, комментирует Жиль. — Под утро явилась ко мне в одеяле, влезла в кровать, как в свою.

Вероника и Ксавье смеются, подросток закатывает рукав свитера и показывает синяк на предплечье:

— Ага, посмейтесь. Вам бы так на пол грохнуться. А эта даже не проснулась. Сопит в двух одеялах, только нос и пятки наружу!

— Люблю, когда ты болтаешь, — говорит Вероника. — Это так редко бывает...

Жиль окончательно смущается и принимается за завтрак.

Одержизнь

— Давай я тебя на лодке довезу? — предлагает Ксавье.

— Спасибо, Учитель. Мне по дороге быстрее. В десять лекция по социологии, надо быть.

— Там такие лужи, что как бы тебе не утонуть вместе с велосипедом, — качает головой Вероника. — С отцом Ксавье надёжнее.

— Кто же спорит?

Жиль хватает чашку сестры, делает два больших глотка, ставит её обратно и почти бегом покидает столовую.

— Всё моё какао допил, — констатирует Вероника и кричит ему вслед: — Свитер брось в стирку, надень чистую куртку!

Бережно прикрыв за собой входную дверь, Жиль сбегает с крыльца, прыгает через лужу, отпирает ворота и спешит по мокрой плитке дорожки к гаражу. Две минуты спустя велосипед уже несёт его мимо побитых дождём садов к выезду из Ядра. Жиль аккуратно огибает валяющиеся на мостовой сломанные ветки, объезжает лужи. Навстречу торопятся на работу люди из Второго круга: горничные, садовники, няньки, разнорабочие. Несколько раз Жилия обгоняют электромобили разезжающихся из Ядра элитариев. Вежливо сигналият, объезжая парнишку, а Жиль приветственно машет им рукой.

«Странное это чувство: когда тебя все узнают, а ты почти никого не помнишь», — думает подросток, провожая взглядом очередную машину.

Здесь, в Ядре, он чувствует себя абсолютно чужим. Будто его выдернули в другой мир — изобильный, уютный, цветущий. В мир, где каждую ночь спишь в постели с чистым бельём, зимой не цепенеешь от одной мысли о том, что льёт холодный дождь, а тебе негде укрыться; в мир, где к тебе обращаются вежливым «месье» и три раза в день спрашивают, чего бы ты хотел поесть. А ещё заставляют чистить под ногтями, мыть голову дважды в неделю и отбирают свитер только потому, что он старый.

— Советник должен выглядеть соответственно статусу, — пафосно цитирует Жиль старшую сестру и усмехается.

Наверное, Веронике с ним тяжело. Наверное, она заслуживает лучшего брата. Но он старается, ищет то, что она назы-

вает сложным словом «компромисс». Когда любишь кого-то, согласишься и одеться в неудобную, но новую одежду, и в суде будешь держать себя в руках, и в гостях кивать и улыбаться. Но какая же тоска при этом одолевает!

«Прекрати, — мысленно одёргивает себя Жиль. — Сам себя загонишь. Давай думать о хорошем. Учитель сегодня ночевал у нас — замечательно же! Вот бы ему остаться в нашем доме навсегда. Когда он приходит, Веро распускается, как цветок. Розовеет от счастья. Смеётся искренне, а не потому, что хочет, чтобы мы с мелкой видели, что она умеет смеяться. Поёт. Танцует даже иногда. Счастье — это просто. Когда любишь — живёшь. А я?.. Я тоже живу. Я жду. Хотя и всё так плохо, я её жду. И верю, что она тоже».

Позади плещется под шинами электромобиля вода в лужах, сигналит клаксон — трижды. Жиль сворачивает на обочину, спешивается и оборачивается. Машина останавливается поодаль, открывается передняя дверь, выходит Кристиан Меньер и машет ему рукой:

— Бойер, хорош грязь месить! Пока все лужи объедешь, в Собор поспеешь только к вечеру. Прыгай на заднее сиденье, давай!

Жиль смотрит сперва на однокурсника, одетого в ярко-синие джинсы и приталенную рубашку навывпуск, потом на свои забрызганные грязью брюки и внезапно для себя соглашается. Вдвоём они прикручивают велосипед к крыше электромобиля, усаживаются и едут дальше.

— Социологию ты не прогуливаешь, — заговаривает первым Кристиан. — Нравится?

— Не особо, — уклончиво отвечает Жиль.

— А что нравится? Только не говори, что ничего. Я ж вижу, что ты почти по всем предметам сечёшь не хуже нас. Проверочные зачем заваливаешь?

— Тебе не один хрен?

— Тю! Значит, это у тебя протест такой? Уважаю.

Кристиан резко выворачивает руль, и Жилия отбрасывает в угол сиденья.

Одержимый

— Ты с сестрой живёшь?

— Угу. И с племянницей.

— Видел твою сестру. Красивая. Но всегда такая подавленная... Правильно она сделала, что от мужа свалила. Каро ненормальный. Одержимый, я бы сказал. Работе себя всего отдавал. А что его дочка с ним не осталась? Она же не от жены у него, верно?

— Не знаю.

— Ладно, давай про тебя. Я слышал, ты большой знаток Третьего круга?

— Я там жил несколько лет.

— А у нас там с недавних пор есть свой студенческий клуб. Для друзей и подруг. Давай к нам? Не понравится — всегда можно уйти.

Жиль неопределённо пожимает плечами. Кристиан ведёт машину слишком небрежно, не следит за дорогой. Люди, ожидающие гиробуса, отпрыгивают в сторону, когда электромобиль сына Советника Меньера проносится мимо, обдав их грязью. Ощущение, что Кристиану нет до них никакого дела, он больше смотрит в зеркало заднего вида. Пристально изучает своего пассажира.

— Машину водишь?

— Нет.

— Надо исправлять. Буду твоим учителем.

Подросток давит вздох, проводит рукой по обивке сиденья. Искусственная кожа поскрипывает, пробуждая воспоминания о той ночи, когда погибли его родители. Жиль отдёргивает ладонь, сжимает пальцы в кулак, встряхивает чёлкой, пытаясь отогнать жуткое видение: мама. Он сейчас сидит там же, где тогда мама...

— Что? — насторожённо окликает Меньер.

— Укачало, — выдыхает Бойер.

— А когда на велике носишься, не укачивает? — смеётся Кристиан и тут же добавляет: — Извини, я поеду медленнее. Окно приоткрыть?

— Нет. Всё нормально. Поезжай как надо. Мы не опаздываем?

— Да ну, ещё покурить успеем!

На сумасшедшей скорости машина Кристиана Меньера огибаёт Собор, паркуется на университетской стоянке, облив грязной водой из лужи стайку студентов.

— Охренел совсем? — орёт один из них, когда Кристиан выходит из электромобиля.

— Повторил, ага? — широко ухмыляется Меньер.

Студента отводят в сторону друзья, что-то втолковывают ему вполголоса. Жиль с тревогой косится на них, забирает велосипед, идёт в сторону парковки.

— Эй, Бойер! — окликает его Кристиан.

Он нехотя останавливается, оборачивается.

— А это правда, что ты парень той самой Акеми?

Вопрос обжигает, как пощёчина. И почему из уст людей то, что так дорого ему, звучит как нечто постыдное?

Жиль поправляет перекинутую через плечо сумку, улыбается так, что снова болью простреливает шрамы на щеке. Медлит, собираясь с мыслями.

— А вот шёл бы ты на хер, — отчётливо отвечает он.

На лекцию Жиль Бойер приходит последним. Забывается на заднюю парту, вытаскивает грифель и бумагу и, не отрываясь, пишет конспект за лектором. Половина группы то и дело поглядывает на него. Кто-то с нескрываемым интересом, но большинство — с уважением.

Сегодня университетское крыло Собора пустеет рано. Разбегаются шумные студенты, неспешно шаркают по коридорам пожилые профессора. К четырём часам в Университете царит тишина. Последним уходит чудаковатый библиотекарь месье Фортен, который преподаёт студентам историю. Сидящий на ступеньках под колоннами Жиль прощается с ним, быстро дожёвывает половинку лепёшки, которая осталась с обеда, и спешит в кладовую, где Университет хранит уборочный инвентарь. Оттуда подросток вытаскивает ведро и тряпку, в уборной набирает воды и поднимается на третий этаж.

Одержизнь

После ночного ливня полы в лекториях покрыты таким слоем грязи, какого не было с февраля, после таяния снега. Жиль тихо вздыхает, снимает свитер и тонкую нательную рубашку, разувается, подворачивает штаны повыше и принимается за наведение чистоты. Нет, никто его не заставляет. Но заработанные купоны он передаёт некоему Виржилю Брюнею — одному из заместителей Канселье. У Брюнея везде есть связи — и на подпольном рынке, и в тюрьме. И договор между ним и Жилем нерушим: юный Бойер зарабатывает, а Акеми Дарэ Ка дважды в неделю получает фрукты и мясо и раз в три месяца — комплект домашней одежды. Потому Жиль так прилежно отмывает каменные плиты, вычищает грязь из углов и протирает подоконники в лекториях третьего этажа.

Когда мальчишка в пятый раз меняет в уборной грязную воду на чистую и спешит обратно, на пороге аудитории он сталкивается с Люси Кариньян — старшекурсницей, «золотой девушкой», подругой одного из потенциальных Советников, Сельена Лефевра. При виде полугололого взмокшего Жилия Бойера Люси хлопает глазами и округляет губы в удивлённом «О!».

— Здравствуйте, — ворчит он и пытается зайти в лекторий.

— Я тут беретку забыла, — зачем-то поясняет девушка, крутя на пальце яркую вязаную шапочку.

— Нашли? Славно, — бросает Жиль и ставит ведро у ног. — Мне б пройти.

— Погоди. Бойер, ты что — полы моешь?

«Нет, ведро ношу туда-сюда!» — хочется ответить Жилю, но он лишь коротко кивает. Люси отступает в сторону, но не уходит. Таращится на то, как парнишка возит тряпкой по полу, и хлопает ресницами.

— А... а зачем?

— Затем, что грязно, — почти огрызается он, не оборачиваясь.

Люси барабанит ноготками по двери, цокает языком.

— Совсем плебс обнаглел: самого младшего из нас заставляют с грязью возиться! — возмущённо восклицает девушка. — Давай я отцу скажу, он ректора накажет?

Жиль усмехается, полощет тряпку в ведре, отжимает её и только после этого поворачивается к старшекурснице и отвечает:

— Лучше скажите друзьям, чтобы ноги вытирали при входе. Вот ректор — вытирает.

— Нет, ну кошмар же. Давай я тебе платок оставляю, хоть лицо вытрешь? Даже лоб грязный. Не приведи господи люди увидят.

— Я умоюсь, когда закончу, — сдержанно говорит Жиль. — Мадемуазель Кариньян, вы идите, вас наверняка ждут.

Она смотрит на него с беспредельным умилением:

— Жиль, ты как сказочная Золушка! Думаю, тебе просто необходима помощь феи-крёстной! Да-да!

Люси уходит, оставив его вспоминать, кто такая Золушка и при чём тут фея. «Дуры какие-то, — делает вывод Жиль. — Если этой самой Золушке требуется помощь феи в уборке, однозначно дура. И фея вместе с ней. И Люси».

Через час он заканчивает возню с ведром и тряпкой, отмывается с мылом над раковиной в уборной, одевается и покидает Университет. Ему хочется заглянуть к отцу Ланглу, но сейчас время мессы и священник наверняка занят. Жиль забирает со стоянки велосипед, проходит вдоль стены Собора и останавливается возле витража, который Ксавье Ланглу восстанавливал всю зиму. Священник просиживал в лаборатории Сада ночами, чтобы получить краски нужного цвета для стёкол. Пролом в стене помогли заделать прихожане, но витраж отец Ланглу не доверил никому. Только Жилю было позволено помогать выплавлять разноцветные стёклышки, остужать их и подгонять друг к другу специальным клеем. Витраж вышел на славу: юный мир, цветущий и яркий под чистым небом. Не все прихожане одобрили, но отец Ксавье посчитал этот сюжет первостепенно важным.

Подросток встаёт на цыпочки и касается витража кончиками пальцев. «Это наша история, — думает он. — Мы видели, как возрождается мир. Это бесценно».

— Жиль? — окликает его женский голос.

Одержизнь

Он оборачивается. В шаге от него стоит одна из прихожанок лет сорока с блёклым, худым лицом. Она смотрит на мальчишку восторженными глазами, улыбается:

— Ты — Жиль Бойер, верно?

Подросток кивает, но что-то в выражении лица женщины заставляет его сделать шаг назад. Она протягивает к нему руки, заискивающе просит:

— Пожалуйста, пойдём со мной. Помоги моему сыну, Жиль. Он очень болен.

— Я же не врач, — растерянно улыбается он. — Я не сумею.

— Ты — дитя Бога. Ты святой. Стоит тебе захотеть — мой сын излечится. Прошу, идём со мной! Пожалуйста!

Женщина пытается ухватить его за рукав, но Жиль уворачивается, сбегает к дорожке вокруг Собора, запрыгивает на велосипед.

— Почему ты не хочешь помочь? — несётся ему вслед. — Будь милосерден, мальчик! Помоги!

Накинуть капюшон на голову. Убраться отсюда как можно скорее. «Это уже не первый раз, — думает Жиль. — Почему люди видят во мне кого-то, кем я не являюсь? Какой из меня святой, какой из меня Советник? Зачем делать из меня что-то иное? Что такого произошло, что они перестали видеть, кто я? Я просто Жиль, воспитанник Ксавье Ланглу, мальчишка с улиц. У меня не получается быть кем-то другим. Я люблю свою семью, но не могу жить по правилам Ядра. И Бог вернул мне жизнь, но я после этого Богом не стал. Так почему люди этого не замечают?»

Жиль переезжает мост через Орб, сворачивает к пропускному пункту. У калитки спрыгивает с велосипеда, подходит к охраннику, поворачивается спиной и убирает закрывающую шею косичку. Ждёт, когда сосканируют код.

— Да проходи уже, — добродушно басит охранник. — Тебя тут все знают.

От КПП Жиль забирает левее, осторожно лавируя между лужами на раскисшей грунтовой дороге. Ещё десять минут — и он у цели. Дом, в котором жила семья Акеми, высится перед

ним молчаливой безжизненной громадой. Поджог уничтожил верхний этаж. Лёд, поразивший Третий круг прошлым летом, частично обрушил стены. Конечно, людям дали другое жильё, его в Азиле много. А дом оставили разрушаться дальше.

Жиль задирает голову, смотрит вверх. Взгляд замечает сетку трещин в бетоне, участки обрушенной льдом стены — будто кто-то громадный обгрыз здание, вырвав куски плоти, и оставил бездыханное тело на потеху ветрам. Даже приблизиться страшно, не то что зайти внутрь. Он несколько раз пытался подняться наверх, но всякий раз возвращался обратно.

— В этот раз я смогу, — упрямо говорит Жиль и заходит в подъезд.

До четвёртого этажа он идёт спокойно. Лестницы здесь надёжны, стены целы. Бояться нечего. На пятом этаже ступеньки начинают слегка пружинить под ногами, отчётливо чувствуется небольшой уклон влево. Мальчишка шагает, слегка балансируя руками и стараясь ничего не касаться. Шестой этаж обманчиво стабилен. При каждом шаге осыпаются где-то внизу мелкие камушки.

На седьмом этаже Жиль останавливается. Перед ним зияет пролом. Обрушение забрало с собой и часть лестничной площадки, что примыкала к внешней стене. В прошлый раз он смог здесь пройти, осталось только вспомнить, куда безопасно вставать. По предыдущему опыту блуждания по подобным развалинам Жиль знает: если перила не проржавели, при обрушении лестницы они спокойно выдержат его вес, мягко спружинив.

— Значит, держусь перил, — решительно кивает он и осторожно, скользящим шагом, двигается вверх по ступенькам.

Примыкающий к следующему пролёту полуметровый кусок плиты выглядит надёжно. Ни трещин, ни крена. Но выдержит ли он дополнительную нагрузку?

— Обязан, — выдыхает Жиль и, перехватившись за перила выше обрушения, делает шаг вперёд.

На мгновенье ему кажется, что блок из десятка ступенек перед ним вздрагивает, и мальчишка холодеет от ужаса. Но проходит секунда, и ничего не меняется. Не осыпаются бетон-

Одержизнь

ные крошки, не появляются коварные трещины на ступеньках. Жиль выравнивает дыхание и плавно движется дальше. Дойдя до восьмого этажа, он ложится на пыльную плиту пола и отдыхает несколько минут. Он старается не смотреть в потолок над ним. В прошлый раз он повернул назад из-за увиденного.

Лестница между восьмым и девятым этажом завалена кусками бетона с торчащей гнутой арматурой. Где-то наверху капает вода — медленно, звучно. Видимо, ливень прошёл сквозь несколько этажей и продолжает своё путешествие, просачиваясь между перекрытиями и сливаясь через трещины.

Жиль подползает к очередному блоку ступенек, подтягивается, перебирая перила и осторожно отталкиваясь ногами. Ступени под ним пошатываются. Шуршат, осыпаясь с краю, мелкие бетонные осколки. Лестница из последних сил держит вес рухнувшей плиты десятого этажа. Перила ходят ходуном, скрипят натужно. Руки болят от напряжения, Жиль продвигается вперёд до ужаса медленно.

— Давай шевелись, — подгоняет он себя. — Тебе ещё назад возвращаться.

Пролёта между десятым и одиннадцатым этажом нет. Перила, погнутые и перекрученные, свешиваются вниз с краю площадки. Вдоль стены проходит подобие карниза, указывая на то, что здесь были ступеньки. Паренёк медленно встаёт, прислушивается к дому: держит.

— Мне надо попасть наверх, — обращается к зданию Жиль. — Это очень важно. Или я это сделаю, или ты сделай так, чтобы всё было быстро и не очень больно. Хорошо?

Он слегка сгибает колени, с силой отталкивается и подпрыгивает. Миг — и пальцы смыкаются на металлических прутьях перил. Конструкция раскачивается, угрожающе стонет, но выдерживает его вес. Жиль улыбается, подтягивается, потихоньку взбирается вверх.

Остаётся один этаж. Всего один — искорёженный, полуобрушенный, сочащийся дождевой водой. Жиль встаёт во весь рост, смотрит перед собой и вверх. Внешней стены нет. Лест-

нища полностью завалена осколками бетона. Пролёт перед ним нависает, накренившись, удерживаемый только упрямой арматурой. Взгляд мечется от одной бетонной глыбы к другой, ищет, за что можно схватиться, на что опереться.

— Просто позволь мне подняться, — просит Жиль. — Пожалуйста. Я почти дошёл.

Дом безмолвствует, лишь капает между этажами вода. Подросток осторожно подходит к завалу и ставит ногу на обломок стены. Замирает, проверяя надёжность опоры, осторожно переносит свой вес на одну ногу, высматривает, за что ухватиться, и почти ползком двигается дальше. Путь меньше десятка метров отнимает у него четверть часа. И когда Жиль окончательно останавливается и выпрямляется, он понимает, что стоит посреди кухни семьи Дарэ Ка.

Обугленные мёртвые стены. Выбитое окно. Остов опрокинутого стола, обгоревшие остатки кухонных полок. Хрустят под ногами осколки стекла. И — Жиль готов поклясться! — звякает в коридоре фарфоровый бубенчик.

— Конничива¹, Кей-тян, — шепчет Жиль Бойер и вежливо кланяется.

А когда поднимает голову, перед ним на грязном подоконнике стоит маленькая жёлтая чашка. Жиль тянется к ней ободранными в кровь пальцами, бережно берёт и прячет в ладонях. И краем глаза замечает движение в осколке стекла под ногами. Тень улыбки.

— Домо аригато²...

Бубенчик звенит этажом ниже. Жиль присаживается на подоконник, дышит теплом на чашку в ладонях. Закрывает глаза и пытается вспомнить эту маленькую кухню год назад. Низенький стол у стены, крытую посудную полку над жестяной раковиной, тумбу, в которой хранились нехитрые запасы продуктов. Горелый запах от стен мешает, возвращает в реальность. Он грустно качает головой, оглядывается по сторонам,

¹ Конничива — вежливое приветствие (яп.).

² Домоаригато — большое спасибо (яп.).

Одержимость

ища взглядом тряпку или верёвку. Может, что-то сохранилось в спальне, но под ногами пол ходит ходуном, и передвигаться по квартире опасно. Жиль стаскивает свитер, отрывает широкую полосу ткани от рубашки, обвязывает чашку и крепит себе на спину, пропустив импровизированную перевязь через плечо.

— Кей-тян, ты меня не проводишь? — просит он. — Если честно, я ужасно боюсь спускаться.

Бубенец звякает за правым плечом. Жиль улыбается и приступает к долгому спуску вниз. На этот раз ему ни капли не страшно. Он точно знает, что доберётся до первого этажа в целости и сохранности. Потому что с ним Кейко Дарэ Ка и жёлтая чашка.

II

Горевестница

— Где ты был?

Ей очень хочется кричать. Хоть раз в жизни устроить настоящую истерику, но она держит себя в руках. Нельзя. Ксавье как-то сказал, что доверие подростка — стекло. Бьётся безвозвратно. Склеить можно, но трещины будут бросаться в глаза, исчезнет прозрачность.

— Жиль, пожалуйста...

— Я дома, ну чего ты?

И улыбается. Глаза довольные, в волосах цементная пыль, свитер безнадёжно испорчен, мешковатые штаны на коленях изорваны в клочья. В исцарапанных руках мальчишка бережно держит маленький свёрток.

— Тебя избил? — тихо спрашивает Вероника, присаживаясь в кресло.

— Не! Ты прости, что я задержался, Веро. Я сейчас вымоюсь и вернусь, хорошо?

Он бережно кладёт на стол маленький свёрток и убегает на второй этаж, оставляя на полу грязные следы. Вероника разво-

рачивает тряпицу и с недоумением рассматривает жёлтую чайную чашку. Чашка не новая, пыльная, с сеткой трещин внутри и покрытым копотью боком.

«Что это? Зачем? Где его носило до позднего вечера? — с тоской глядя на чашку, думает Вероника. — Чем он живёт там, за порогом дома? Что с ним происходит? Мой самый родной человек страшно далеко от меня, даже когда я касаюсь его. Так быть не должно. Но как это изменить?»

Она проходит на кухню, щёлкает выключателем, ставит на электроплиту старенький чайник с эбонитовой ручкой. Достает из холодильника сыр, замороженные овощи, варёную курицу. Можно было бы разбудить Ганну и попросить приготовить Жилю ужин, но сейчас ей хочется это сделать самой. Мама Вероники никогда не готовила сама, всё доверяла слугам. Но юная мадам Каро, привязанная к няньке Ганне как к единственной в новой семье по-настоящему родной душе, привыкла много времени проводить на кухне. Так и переняла постепенно нянюшкины кулинарные хитрости.

Пять минут спустя в кухню заглядывает Жиль, привлечённый шкворчанием сковороды и запахом еды. Мокрые волосы встрёпаны полотенцем, одет парнишка в старые пижамные штаны.

— А что тут готовится? — любопытствует Жиль и косится в сторону электроплиты.

— Ужин для голодного братика, — весело откликается Вероника. — Скорее за стол!

Жиль послушно усаживается, ставит перед собой жёлтую чашку. Смотрит на неё как одурманенный, по лицу блуждает улыбка. Вероника перекладывает в тарелку курицу и жареные овощи с сырной корочкой, несёт еду на стол. Садится напротив, подпирает щёку ладонью:

— Что это за артефакт, расскажешь?

— Артефакт? — переспрашивает Жиль, быстро расправляясь с пищей.

— Ну... старая вещь, — поясняет Вероника.

Одержизнь

Мальчишка бережно проводит по ободку чашки пальцами, задерживает руку над ней.

— Это очень дорогая вещь. Не такая уж она и старая, но очень ценная. Веро, если бы ты знала, куда я за ней лазил! Я расскажу, если ты обещаешь меня после этого не бить.

Его глаза сияют таким восторгом, что сестра торопливо кивает.

— В Третьем круге есть здание, которое пожрал лёд. Зброшенное, всех оттуда переселили. Веро, я залез на самый верх, туда, где всё разрушено! Прости за испорченные шмотки, но... я должен был однажды это сделать. Я несколько раз пытался, и сегодня получилось! — Он вглядывается в лицо Вероники, и его ликование сменяется растерянностью: — Что?

Вместо ответа она тянется через стол, берёт брата за руку, разглядывает покрывающие кожу ссадины. Встаёт, обходит вокруг, рассматривает его спину. Обнимает за плечи, целует над ухом.

— Жиль, ты весь ободранный. Даже поясница. Милый, мне так хотелось бы за тебя порадоваться, но я с трудом удерживаюсь от слёз. Мне страшно думать о том, чем это могло закончиться. Мой храбрый, ловкий, отважный... зачем ты так рисковал? Стоила бы эта чашка твоей жизни?

— Стоила, — отвечает он уверенно.

Вероника задумчиво перебирает мокрые пряди его волос. Что значит для него эта чашка? Он бы не полез ради трофея туда, где всё может рухнуть в любой момент. И на спор не стал бы. И если пытался не раз...

— Жиль. Чья это вещь?

Брат оборачивается, ловит её взгляд. И Вероника по выражению его лица уже знает, что сейчас услышит.

— Акеми. Она очень любит эту чашку. Веро, я точно знал, что найду её там. Она в огне уцелела и при обрушении крыши тоже...

Молодая женщина вздыхает и отходит к плите. Выключает конфорку под посвистывающим чайником, снимает его, перехватив ручку кухонным полотенцем. «Надо что-то сказать,

обязательно надо. Слова, нужные слова, где же вы? — лихорадочно бьётся в голове. — Это мой родной человек, ему нужна поддержка, он ждёт от меня одобрения, но я не могу! Это сильнее меня, я не хочу лицемерить и лгать!»

— Чай будешь? — спрашивает она, не поворачиваясь.

Ответа нет. Лишь тихо покают по фарфоровой тарелке зубцы вилки. Вероника стоит, держа на весу чайник, смотрит, как завитушки белёсого пара покидают изогнутый носик. В детстве они с братом любили зимой выносить чайник на крыльцо и наблюдать за паром. Веронике чудились в нём и восточные джинны, и жутковатые многоголовые змеи, и оперение сказочных птиц. Жиль был совсем мал и верил всему, что рассказывала сестра.

— А помнишь джинна, который насылал на нас из чайника плохие сны?

— Помню. Он поселялся там, когда родители ссорились, — отвечает Жиль с грустинкой. И добавляет: — Веро, я понимаю. Ты не обязана её любить.

Чайник опускается на металлическую подставку. Вероника пожимает плечами. «Ты прав. И тебе от этого плохо», — печально думает она. Лёгким ветерком на затылке ерошит волосы: это Жиль подкрался сзади и подул. Веро быстро опускает руки вдоль туловища, но поздно: брат пробегает пальцами по её рёбрам, шекочет.

— Ой, перестань-перестань! — шепчет она, пытаясь вырваться из его рук. — Прекрати, я сейчас завизжу! Амелию разбудим!

— Улыбнись — и я перестану, — просит Жиль.

Ей всё же удаётся вывернуться и отпрыгнуть в сторону. Вероника переводит дыхание, поправляет растрёпанные волосы. Улыбается — светло и уютно, как и хотел Жиль.

— Ты точно на меня не дуешься? — спрашивает он.

— О, да я отомщу! Я тебе крошек в кровать насыплю! — пафосно воздевает руки молодая женщина. — Или в туалете запрю! Жиль с усмешкой тычет ей пальцем в макушку:

— Какая же ты маленькая...

Одержизнь

— Это просто ты высокий вырос, — возражает Вероника и смущённо добавляет: — И я никак к этому не привыкну.

— Ты меня простишь за свитер, штаны и рубашку? — виновато спрашивает брат.

— Конечно, подлиза... Что? Ты и рубашку порвал?! Жиль, нам завтра к Роберам на обед, а на тебе вещи просто не живут! Рубашка была одна из лучших папиных, — сокрушается молодая женщина. — Так. Быстро в кладовую, будем искать тебе хоть что-то, кроме этих пижамных штанов!

Пока Вероника энергично двигает тюки с тряпьем, Жиль сидит на стремянке в глубоком унынии.

— Ну вот что не так? — не выдерживает сестра, вороша очередной мешок с отцовскими вещами.

— Думаю о завтрашнем обеде. Тухляк.

— Прекрати ругаться! — строго свинув к переносице светлые брови, распоряется Вероника. — Веди себя по статусу, юный Бойер!

— Что — и дома?! Веро, ну...

Она яростно швыряет в него отцовским жакетом и обещает:

— Ещё одно уличное словцо — и по губам! Ты когда-нибудь слышал, чтобы Ксавье так ругался?

Жиль закидывает руки на перекладину над головой, повисает на стремянке.

— Веро, Учитель — человек Бога. А я в какой только жопе не...

— Жиль!!! — рычит сестра. — Услышу хоть что-то подобное в гостях — запру дома и заставлю учить стихи классиков!

— Вот и буду молчать! — отрезает подросток и вскипает: — Думаешь, мне охота идти туда, где все только едят, пьют, натянуто улыбаются? Тебе самой-то уютно там? Легко поддерживать разговоры о том, какое милое колечко у одной дуры, красивая причёска у другой и какой божественный суп сварила служанка третьей? Лицо потом не болит столько времени улыбку держать?

С охапкой вещей в руках Веро подходит к стремянке, смотрит на брата снизу вверх. Внешне спокойная, но Жиль точно

знает, что она может долго терпеть, а потом залепить такую затрещину, что в ушах звенеть будет.

— Значит, так, — коротко выдохнув, произносит Вероника. — Первое: я от улыбки не переломлюсь. Второе: ради моей маленькой семьи я буду часами выслушивать о причёсках и кольцах. И третье: это Ядро, Жиль. Если ты не выходишь в люди, не общаешься — ты никто. Слезай. Иди в комнату и меряй вещи.

Он повинуется, бурча под нос:

— Я тут куда большее никто.

— Да конечно! Ты хоть раз попробуй вжиться в этот круг, брат!

Вероника суёт ему в руки вещи, закидывает за плечо растрёпанные волосы.

— Учись общаться с теми, с кем тебе предстоит работать. Будешь строить из себя чужака — всю жизнь им и пробуешь! — заканчивает она строго и выпроваживает брата из кладовки.

Он возвращается в свою комнату и швыряет ворох одежды на диван. Подходит к окну, в сердцах распахивает его, впуская в спальню вечернюю прохладу. В саду шумит молодой листвой ветер, и если закрыть глаза, чудится, что где-то рядом море.

«Если бы не Веро, никаким чёртом бы меня сюда не заманили, — думает Жиль. — Здесь тоскливо. Отвратительно. Тебя щупают глазами, оценивают, обнюхивают, как крысы, готовые укусить. Права Акеми — это мерзкое место. Я не хочу быть здесь. Лучше голодать и не знать, где заночуешь, но быть свободным. Но здесь моя Вероника. И малявка, которая мне дорога. И ради них я должен... Я должен. Сколько я тут выдержу? Не знаю. Но пока силы есть и я помню, ради кого я тут, — я должен своей семье. Веро в этом права».

Он бросает взгляд на сваленные на диване вещи, и на губах появляется хитрая улыбка.

— А вот носить то, что мне вздумается, мне никто не запретит, — повеселевшим голосом говорит сам себе Жиль. — Папе

Одержизнь

эти шмотки уже не нужны, и никто не мешает мне их поменять на рынке. Тем более что они мне велики и не по росту.

Мальчишка сворачивает пару рубашек и брюк, заталкивает их в сумку, с которой ездит в Университет. Берёт с прикроватного столика будильник, заводит его на шесть. Садится за письменный стол, старательно выводит что-то на клочке бумаги, перечитывает написанное, решительно кивает и на цыпочках выходит в коридор. У спальни Вероники Жиль останавливается и осторожно подсовывает бумажку под дверь. Тут же полоска света, пробивающаяся из-под двери, тускнеет, и на пороге появляется Вероника в ночной сорочке. Она ловко хватает Жюля за руку, обнимает.

— Я тоже тебя люблю, братик, — улыбается она. — Но ругаться не разрешаю!

— Я и не собираюсь, — бормочет слегка прилушенный Жиль и про себя добавляет: «Вот прям сейчас — не собираюсь».

Пожелав друг другу доброй ночи, брат и сестра Бойер расходятся. Жиль прихватывает из своей комнаты одеяло, подушку и будильник и поднимается на чердак. Здесь приятно пахнет сухими травами и слышно, как дышат во сне деревья в саду. Он устраивается в сломанном кресле, завернувшись в одеяло, и проваливается в зыбкий тревожный сон, в котором бесконечно падает со стола жёлтая чашка и летит двенадцать этажей вниз...

— Откуда элитарские шмотки спёр, а, дружок?

Хитроглазый невысокий меняла с ухмылкой косится на Жюля, перебирает разложенные перед ним на ящике вещи. Поглядывает на его белёсый от цементной пыли свитер, украшенный дырами с кулак, и рваные штаны, сквозь прорехи которых видны стёранные колени.

— Спёр бы — не принёс бы сам. Не дурак. Берёшь?

— А беру! — решительно кивает меняла. — Тебе что надо-то?

— Свитер. Куртку лёгкую с капюшоном. Водолазку, — перечисляет Жиль. — Две пары штанов. Одни покороче, чтобы

за велосипед не цеплялись, вторые... не, вместо вторых комбинезон. Вон тот, буро-зелёный.

Продавец выкладывает перед Жилем подобранную одежду, тот прикладывает вещи к себе, широко улыбается. Забирает две пары штанов, уходит за наспех установленную ширму мерять. Возвращается довольный, по пути выхватывает из кучи вещей безразмерную футболку:

— Тоже беру. В расчёте?

Меняла сгребает принесённые Жилем отцовские вещи, демонстративно рассматривает их по одной ещё раз. Жиль равнодушно заталкивает в сумку большую часть вещей, сбрасывает старый свитер, надевает водолазку и куртку. Замечает, что на него глазеет продавщица кукурузных лепёшек и сладкого кипятка, накидывает на голову капюшон и идёт на выход с рынка Третьего круга, толкая перед собой велосипед. Пропшлый год научил его бояться быть узанным.

«Ладно ещё, когда натворил что-то и тебя полиция ловит, — думает Жиль, пробираясь между людьми, меняющими вещи и купоны на еду и наоборот. — Но когда тебя начинают хватать за руки незнакомцы и требовать чуда...»

Задетая неосторожным прохожим, с колченогого стола перед Жилем падает пластиковая коробка с початками варёной кукурузы. Парнишка ловко подхватывает её у самой земли и тут же получает оплеуху и пронзительный женский вопль:

— А ну верни, вор!

Он молча ставит контейнер на прилавок, уворачивается от второй затрещины. Торговка орёт, призывая на голову Жилиа всяческие несчастья, а он проталкивается сквозь толпу дальше. Улыбается: не хватает ему этой суеты, жуликоватых менял, визгливых тёток, у которых уличные мальчишки считаются исчадьями преисподней. «Дура, — ухмыляется Жиль. — Захоти я что-нибудь украсть — ты бы и не заметила. А как спас твой товар — так вор. И всё равно ты честнее многих из тех в Ядре, кого я знаю».

Часы на стене между секторами позади рынка показывают девять. Жиль прикидывает: на дорогу от дома до Третьего круга

Одержизнь

он потратил два часа. Не особенно и спешил. Если сделать небольшой крюк и покрутить педали побыстрее, в Ядре он будет самое позднее в полдень. Как раз хватит времени привести себя в порядок и в очередной раз повиниться перед Вероникой за отсутствие.

«А потом в гости», — вздыхает Жиль.

На выходе с рынка он садится на велосипед и едет к КПП между секторами. Оттуда по прямой к воротам Второго круга. Дорога хорошая, ни кочек, ни выбоин. Бетон надёжен и гладок, тут можно и разогнаться, не боясь, что от старенького велосипеда что-то отвалится. Жиль отпускает руль, раскидывает руки в стороны, прикрывает глаза. Дорога впереди свободна, можно несколько секунд насладиться ощущением полёта. Словно нет незримых поводков, условностей, обязанностей... Чистый восторг. Амелия чувствует то же самое — и это удивительно роднит их с Жилем.

«Хорошо тебе, малышка, — думает он. — Ты пока абсолютно свободна».

От ворот КПП мальчишка едет по берегу Орба, минуя Собор, затем городской парк. Дорога раздваивается, Жиль проезжает поворот на жилой квартал, держится стены, разделяющей Второй и Третий круги. Лёгкость и ощущение свободы покидают его, уступая место нарастающей тоске и тревоге. Так происходит всякий раз, когда он приближается к городской тюрьме.

Тюремная ограда кажется бесконечной. Удивительно, каким отвратительным может быть самое крупное здание в Азиле. Или Ось всё же больше?

«Обе дрянь», — ставит точку в размышлениях Жиль.

У тюремных ворот он спешивается, подходит к окошку пропускного пункта, стучит.

— Опять ты? — скучно спрашивает пожилой охранник, завидев мальчишку.

Жиль молчит, старается не показывать раздражения. Знает, что ему скажут дальше. Но всякий раз надеется ошибиться.

— Посещения Акеми Дарэ Ка запрещены, — зевает охранник. — Если ты её родственник — пиши прошение на имя на-

чальника тюрьмы в соцслужбе. И если ты забыл, то передачи не от родственников тоже запрещены. Иди уже отсюда!

Подросток отходит от ворот, пробегает метров тридцать вдоль ограды, переходит дорогу, останавливается на обочине и встаёт лицом к зданию тюрьмы. Восточное крыло, четвёртый этаж — это всё, что ему удалось выяснить о том, где содержат Акеми. Иногда охрана бывает благосклонна к светловолосому пареньку, который приходит к воротам вот уже двести семьдесят третий день.

— Акеми! — кричит Жиль так громко, как может. — Акеми, я здесь!

В ладони круглое зеркальце, утащенное ещё осенью из комода Вероники. Он вскидывает руку, ловит солнечный луч и отражает его в сторону узких окон четвёртого этажа тюрьмы.

— Акеми!

Солнечный зайчик мечется от одного запылённого стекла к другому, направлять его так трудно. Ещё труднее ровно удерживать зеркало больше двух минут. Медленно-медленно поворачивать кисть руки, ведя пятнышком света по окнам...

— Акеми!

Вероятно, она и не слышит, если окно закрыто. Отсюда не видно, есть ли там форточки. Стёкла могут быть такими толстыми и грязными, что отражённый лучик солнца может и не проникнуть внутрь. А охранник мог соврать, и её камера во-все не здесь.

— Акеми!..

Голос срывается, бессильно опускается рука, держащая зеркальце. «Прекрати! — приказывает себе Жиль. — Всё не так! Она слышит меня, она видит моё солнце. Она знает, что я её жду. И не смей даже думать иначе!» Медленно бредёт через дорогу обратно.

— Я завтра приду, — обещает Жиль Бойер тюремной ограде. — Как всегда.

Он кладёт обе ладони на бетонную стену, с силой толкает, ощущая ладонями и кончиками пальцев каждую выемку и ше-

Одержизнь

роховатость. Маленький ритуал, всплеск отчаяния и чего-то вроде надежды. Плевок в пыль у ворот как завершение.

— Что, Акеми мама гулять не пускает? — ехидно несётся вслед. — Или муженёк под бок подгрёб?

До поворота Жиль идёт, гордо распрямив спину и не оборачиваясь. И лишь свернув за угол, бросает велосипед, садится на обочину и закрывает лицо ладонями:

— Китаи шимасу¹...

Лёгкий ветер обдувает ему затылок. Будто кто-то поглаживает. Кто-то, по чьим прикосновениям Жиль немом, жутко тоскует. Хочется закутаться в воспоминания, как в мягкое одеяло. С головой накрыться, уйти в прошлое. Но сейчас это непозволительная роскошь. Надо ехать домой.

Дома бледный вид и умоляющее «мне как-то не очень хорошо» не убеждают Веронику в том, что брата надо оставить в покое. В Жилия вливают чай на каких-то нянюшкиных травках, заставляют расчесать волосы (косичку Вероника заплетает ему сама, это её привилегия) и переодеться. Когда брат выходит в прихожую в мешковатом комбинезоне и в очередном безразмерно-растянутом свитере, у сестры опускаются руки.

— Я же тебе вчера нашла вещи, — в отчаянии напоминает она.

— Они мне коротки и широки, — пожимает плечами Жиль.

У ворот сигналит электромобиль — Роберы прислали за гостями личного шофёра. Вероника вздыхает и первая выходит из дома. За ней следуют дочь, одетая в пышное платье малахитового цвета, и сосредоточенный тихий брат.

— Ты похож на садовника, — комментирует девчужка внешний вид Жилия. — И я тоже хочу столько карманов в штанах!

— Я тебе по секрету скажу, — подмигивает он, подсаживая её в машину. — На самом деле я и есть садовник. Никому не говори.

У Роберов Жиль сразу же забивается в угол дивана в гостиной — подальше от стола, за которым шумно общаются гости

¹ Китаи шимасу — жди (яп.).

и хозяева. Ему хочется есть, но нежелание хоть на мгновение оказаться в центре внимания сильнее голода. Он сидит и наблюдает, как сияет его сестра, которой дали подержать маленького сына погибшего Советника Робера, как ползают под столом Амелия и чей-то мальчонка лет пяти, как курят на крыльце дома пожилой месье Робер и теперь уже бывший Советник Лефевр и как сидящая за столом спиной к Жилью Люси Кариньян трогает пальчиками босой ноги лодыжку Сельена Лефевра. Последних двоих считают лучшей юной парой Ядра: оба светловолосы, одинаково обворожительно улыбаются, всегда роскошно одеты и вечно собирают восхищённые взгляды.

— Привет, Жиль. — Рядом с ним присаживается Софи Робер. — Замечательные на тебе штаны. Ты чего тут один?

Пожалуй, Софи — одна из немногих элитариев, не вызывающих у Жилья неприязни. Даже невзирая на то, что она сестра Бастиана Каро. Она не пристаёт с вопросами, не пытается втереться в доверие. Она хорошенькая: приятно-округлые формы, яркие губы, живой взгляд карих глаз, задорный смех. С ней уютно и просто общаться. И Жиль очень сочувствует молодой вдове Робер. Он видел, как убили её мужа. И только спустя полгода понял, что Пьер Робер был очень неплохим человеком.

— У вас очень уютный диван, мадам Робер, — улыбается он. — Он меня не отпускает.

— Пойдём за стол? — предлагает Софи и мягко берёт его за руку. — Обед сегодня на редкость вкусен и разнообразен. У нас повар, которым можно гордиться.

«Ур-р-р-р-р-р...» — предательски подаёт голос пустой желудок юного Бойера. Софи качает головой:

— И не говори мне, что не голоден. Идём. Сядешь рядом со мной?

Приходится согласиться. Обижать Софи не хочется. Он следует за ней, поглядывая на Веронику, укачивающую маленького Мишеля. Вероника что-то говорит младенцу, улыбается так нежно, что Жиль невольно улыбается в ответ. «Их с Ксавье сыну было бы уже полгода. И даже чуть больше», — вспоминает мальчишка и снова грустнеет. Он садится возле Софи,

Одержизнь

коротко здороваются с присутствующими и снова ищет взглядом сестру.

— Жиль, тебе картошки или овощного рагу? — интересуется Софи, наполняя его тарелку салатами, мясом, соусом.

— Какая же она сейчас счастливая... — невольно вырывается у него.

— Кто — картошка? — удивлённо спрашивает молодая женщина, но, проследив его взгляд, смущённо поправляется: — Извини! Да, Веро очень идёт материнство. Я попросила её быть крёстной Мишеля.

Наступает очередь Жилиа глядеть на собеседницу с недоумением.

— Мне кажется, ей будет приятно, — отвечает Софи на его немой вопрос. — Хочется сделать что-то, что поможет ей поскорее забыть всё то горе, что она вытерпела от моего брата. Она нравится мне, Жиль. И мне не хочется, чтобы она чувствовала себя одиноко.

— Месье Бойер, если не секрет: на что живёт ваша семья? — спрашивает пожилой невысокий толстячок, сидящий напротив Жилиа. — Много ли слуг в доме?

— Живём на средства, которые Каро выплачивает после развода, — ледяным тоном отвечает Жиль, глядя поверх головы собеседника. — С хозяйством справляемся. С нами наша нянюшка и Матье, рабочий.

— Так Вероника же собирается устраиваться работать! — восклицает сухенькая миниатюрная мадам Робер — свекровь Софи. — Мы договорились, что по утрам наш шофёр будет отвозить её во Второй круг. Мадам Бойер, я правильно поняла, что вы будете обучать детей чтению и счёту?

— Да, всё верно, — радостно откликается Вероника. — Я провела несколько пробных уроков, и меня взяли преподавать в школе при Соборе.

Гости за столом смотрят на неё так, будто молодая мадам призналась при всех, что всем деликатесам предпочитает крысятину. Жилю нестерпимо хочется закрыть её собой от этих брезгливых взглядов. И почему она ничего ему не сказала о том,

что собирается подрабатывать? Или он такой невнимательный, что забыл?

— А что не так? — громко спрашивает Жиль. — Есть какой-то закон, по которому женщины в Ядре работать не могут? Если я хорошо усвоил историю создания Азиля, город разрабатывали семьдесят две женщины-учёные. И я уверен, что на них никто не пялился с презрением. Ими восхищались.

Старший Лефевр незаметно толкает сына в бок локтем и, когда Сельен слегка склоняет голову, шепчет:

— Этот опаснее Ники Каро. Не возьмём в оборот сейчас — в Совете будет слишком поздно.

Сын кивает, встряхивая косо остриженной чёлкой, и Антуан Лефевр говорит, обращаясь к Жилю:

— Месье Бойер, вы пока очень юны и слишком долго взращивались в неподобающих условиях. То, что женщины Ядра не работают, это не блажь, а их привилегия. У нас принято, что семью содержит мужчина, а мадам хранит домашний очаг. И мне очень жаль, что в одной из наших семей мужчин не оказалось. В таком случае женщине с ребёнком было бы лучше вернуться в дом мужа, а не играть в независимость.

Договорив, он возвращается к приёму пищи. Жиль вспыхивает до корней волос, тут же бледнеет. Софи Робер хватает его за руку, не давая встать из-за стола.

— Тише-тише... — просит она шёпотом, склонив голову, чтобы никто не увидел. — Просто не реагируй.

Гости сдержанно шумят, как кажется Жилю — одобряя слова Лефевра. Вероника негромко воркует над сыном Софи, лицо её безмятежно и невозмутимо. Но когда они с Жилем встречаются глазами, он понимает, что сестра оскорблена до глубины души.

В этот момент в гостиную из коридора влетает растрёпанная Амелия в сопровождении всё того же мальчишки лет пяти и, сияя, выпаливает:

— В кабинете месье Пьера железная коробка пикает и бормочет! Mam, я честно, только ручку покрутила, а она заругалась!

Одержизнь

Робер-старший и Софи обмениваются ошарашенными взглядами, оставляют гостей и почти бегом спешат туда, где стоит радиоаппаратура, которая безмолвствовала до сего момента почти полвека.

Город лихорадит. Кажется, в Азиле не осталось ни уголка, куда не проникла бы новость. «Мы не одни!» — кричат заголовки газет. Об источнике сигнала каких только предположений не выдвигают. В Университете разгорячённые известием студенты даже на занятиях по математике спорят, обсуждают, строят догадки.

— А могла и аппаратура засбоить! — сердитым шёпотом на весь лекторий отстаивает свою позицию Кристиан Меньер. — Дети крутанули что-то — и проскочила старая запись сигнала.

— Бред! — качает кудрявой головой Фабрис Русси с соседнего ряда. — Умные взрослые до них крутили и ничего не выкрутили? Сигнал пробился, это не остаток записи!

— А может, нет там никого? Ну, там, откуда сигнал пришёл. — Люк Марион, как обычно, настроен скептически. — Аппаратура сама посылает импульс, а люди померли давно...

Жиль не участвует в общем обсуждении. Сидит на задней парте у окна, подперев ладонью левую щёку, и решает задачки для Лили Ру. Лили в математике была кандидатом на отчисление, и Жиль потихоньку вызвался помочь. С блоком из десяти лёгких заданий девушка справилась сама, а в средних запуталась.

«Ничего сложного, это всего лишь цифры, — думает Жиль, вчитываясь в предпоследнюю задачу. — И в примерах они труднее, а тут просто надо себе представить, о чём идёт речь. Их легче понять, чем людей...»

Лили сидит на другом краю лектория и хмурится. Её подруга Рашель пишет ей записки на клочках бумаги и кидает на парту, когда лектор отворачивается. Лили читает их, нервно пишет ответы, передаёт через четыре парты вверх Рашель. Жилю кажется, что Лили поссорилась со своим парнем.

Бойер настолько погружается в решение задачки, что не замечает, как заканчивается лекция. Лишь только когда кто-то

отвешивает ему подзатыльник, Жиль вздрагивает и озирается по сторонам.

— Кто последний уходит, тот моет полы! — кричит, сбегая по ступенькам, Фабрис.

Его друзья в дверях откликаются хохотом. Жиль собирает листки серой бумаги, что разлетелись по всей парте, бросает вещи в сумку, перекидывает её через плечо и спешит на выход. Надо успеть догнать Лили и отдать ей полностью решённое задание.

Девушка находится быстро: она стоит посреди коридора и ругается с Рашель.

— Я не буду этого делать! — вполголоса возмущается Лили. — Если у тебя виды на этого лощёного выскочку — сама и действуй!

— Так из всей группы ты одна с ним ладишь, — умоляюще ноет Рашель. — Ну Ли-и-или! Ну просто передай, что просили...

— Знаешь, что мне кажется? — вскипает Лили. — Что вы задумали какую-нибудь гадость. И я не...

— Лили, — окликает её Жиль. — Извини, что отвлёк. Вот задание. Только перепиши своей рукой.

Он протягивает ей исписанные листки, коротко кивает и уходит, оставляя подруг выяснять отношения. Ему надо успеть перекусить, вымыть три лектория, а после бежать по намеченным ещё неделю назад делам.

Покидая университетское крыло через час, усталый Жиль обнаруживает возле колоннады первого этажа Лили.

— Привет ещё раз, — весело машет рукой она. — Я подумала, что не сказать спасибо за помощь — это плохо. И решила тебя подождать.

Жиль смущённо улыбается:

— Спасибо за спасибо.

— А откуда ты так хорошо математику знаешь?

— Отец Ксавье научил. Я маленьким быстро всё схватывал.

— А почему не показываешь этого сейчас? Другим помогаешь, а сам только замечания от Сент-Арно выслушиваешь...

Одержизнь

— Да мне оно как-то не нужно — показывать.

Лили ведёт себя странно. Нервничает. Поглядывает по сторонам, то и дело хмурится, но тут же принимается улыбаться, когда замечает, что на неё смотрят. Улыбка какая-то жалобная выходит. Хочется спросить: «А на самом деле зачем ты меня ждала?» — но Жиль оставляет этот вопрос при себе. Он поправляет перекинутую через плечо сумку и слышит:

— Можно я чуть-чуть с тобой пройдусь?

— Можно, — растерянно отвечает подросток.

Он забирает велосипед с парковки и медленно идёт в сторону моста через Орб, гадая, что же нужно Лили. Девушка следует за ним, молчит некоторое время, потом спрашивает:

— Тебе в Третий круг, да?

— Да. В соцслужбу.

— Ничего, что я с тобой увязалась?

— Я не против.

Жиль всё ждёт, когда из девушки посыплются вопросы, отвечать на которые ему совершенно не захочется, но, похоже, Лили нужно не это. Она просто идёт рядом. У ворот КПП трогает Жилия за локоть:

— Пстой, пожалуйста. Дальше я не пойду. Я хотела поговорить, Жиль.

Он останавливается, прислоняет велосипед к стене и вопросительно глядит на Лили:

— Что-то случилось?

— Нет. Но у меня ощущение, что может.

Она набирается смелости и выпаливает:

— Рашель просила, чтобы я пригласила тебя на вечеринку.

— У тебя парень есть, — ровно отвечает Жиль. — А у меня девушка. Вот так вот.

— Дослушай. Я на эту вечеринку не пойду. Приглашение от старшекурсников. Просто хотели передать через меня. Кто-то из них знает, что мы с тобой дружим. Ты прости, но... Мне кажется, тебе надо быть осторожным. Ты самый младший в Университете, а они...

Жиль качает головой, улыбается:

— Не бойся за меня. И спасибо за предупреждение. Ну... Пока?

— Ага.

Она делает несколько шагов, оборачивается и спрашивает:

— Жиль, а на что был похож сигнал, про который все говорят?

Мальчишка задумывается на мгновение и отвечает:

— Так билось бы сердце. Если бы оно было из железа. И голос, будто эхо. И слова непонятные.

Всю дорогу до соцслужбы Жиль думает о сигнале. Вспоминает, как все сперва обмерли, потом загомонили, потом женщины забегали. Одна Софи Робер не растерялась: взяла у Вероники сына, села за внезапно оживший аппарат, включила обратную связь и чётко проговорила: «Это Азиль, Франция. Мы слышим вас! Кто вы?» Далёкий голос всё повторял и повторял одну и ту же фразу, и не было понятно, услышал ли Софи тот, кто подавал сигнал за многие километры. А потом стук механического сердца оборвался, и аппаратура снова стала бесполезной грудой металла.

И почему-то Жилью показалось, что время пошло по-другому. Это ощущение разрослось, оформилось и запало в душу предчувствием чего-то... Чего-то такого, чему нет имени, и ты не можешь понять, плохо оно или хорошо, потому что не случилось ещё подобного и оно вне всяких категорий. Но что-то было в воздухе совсем-совсем недавно, что он почуял, но не придал значения.

— Ты тоже почувствовал? — спросила очень серьёзная и тихая Амелия, когда они возвращались домой.

— Угу. И было ещё...

— Когда дождь пошёл, — уверенно кивнула девочка. — Сильный. С моря.

Жиль вспоминает ручьи, несущие вдоль дороги лепестки тюльпанов. Будто мир полинял, как свежепобеленный дом под струями воды.

«Что-то будет, — вздыхает про себя мальчишка. — Но вот что?»

Одержизнь

В здании соцслужбы шестого сектора слабо пахнет гарью. Прошлым летом здесь всё отмыли, заново покрасили, заменили облупленную пулями плитку на фасаде, но дух пожара отсюда так и не ушёл. Витал в коридорах как напоминание. А на последнем этаже до сих пор не вставили стёкла.

«Так и везде в городе, — думает Жиль, подходя к соцслужбе. — Вроде и подправили всё, но ничего не забылось. Рушатся дома, подточенные льдом. Зимой люди голодали, потому что Каро отстранили от должности, а новый снабженец оказался говном. Дети на улицах играют в мятежников и полицейских. Отношения между простыми людьми и элитой лучше не стали. Кто-то из нынешних управленцев предлагал распахать землю за пределами Азиля — не поддержали. Война ушла, а запахи страха из города так и не выветрился».

Он пристёгивает велосипед цепью к специальному поручню при входе и следует в многолюдный зал. К нему тут же спешит одна из соцработниц:

— Добрый день, месье. Меня зовут Мари, — улыбается девушка в униформе. — Рада вас приветствовать в бюро социальной защиты и найма. Чем могу помочь?

— Здравствуйте. Я Жиль Бойер. Мне нужно узнать адрес. Дом, где жила семья, расселили. Сектор одиннадцать, Вторая линия.

Мари кивает, запоминая. Указывает в сторону свободного места на скамье, где сидят соискатели работы и те, что пришли с другими просьбами:

— Месье, присядьте, пожалуйста. Я найду в картотеке нужный раздел и всё вам скажу.

— А оно у вас разве не в компьютерах хранится? — задаёт Жиль совершенно детский вопрос.

Девушка косится на него, усмехается:

— Хранилось. После Войны льда здесь мало что из техники уцелело, — негромко отвечает она и уходит.

Несколько минут спустя Мари возвращается с пухлой стопкой прошитых листов, подзывает Жюля к стойке информации.

— Мне нужна фамилия тех, кого вы ищете.

— Дарэ Ка. Макото Дарэ Ка.

Девушка углубляется в поиск адреса, внимательно водя пальцами по строчкам и шевеля губами. Жиль стоит рядом с ней, сердце в груди колотится так, будто он бежал, сохнут губы.

— А вот и он! — наконец восклицает Мари. — Сектор два, Четвёртая линия, дом номер девять, квартира семнадцать. Запомните или для вас записать?

— Второй... Четвёртая. Девять. Семнадцать, — повторяет Жиль. — Огромное спасибо.

Двадцать минут — и он уже на месте. Оставляет велосипед у подъезда, бегом взлетает на нужный этаж... и останавливается, не решаясь постучать. Пальцы сжимаются в кулак, Жиль поднимает руку — и застывает в нерешительности. Смотрит на обитую жёстью дверь с облупленной краской, медленно поворачивается к ней спиной. Спускается на несколько ступенек, садится, уложив сумку на колени, и сидит так неподвижно минут двадцать. Вслушивается в звуки по ту сторону дверей, напряжённо пытаясь уловить знакомые голоса. Где-то звонко верещат дети, кто-то ссорится, вот чихнула женщина...

«Чего я боюсь? Того, что мне не откроют, или наоборот? Раньше мне не с чем было идти к месье Дарэ Ка, кроме как с расспросами, которые ранят. А сейчас... и сейчас тоже. Я надеялся, что чашка Акеми, которую я принёс со старой квартиры, что-то означает. Возможно, для неё. Но не для её отца. Значит, у меня снова нет ничего, кроме вопросов».

Жёлтая чашка уютно лежит в ладонях, будто просит: не отдавай, к тебе пришла — не уйду от тебя. Жиль поглаживает изгиб ручки, проводит пальцами по ободку, подносит её к щеке, покрытой шрамами, затем прислоняет к уху. Закрывает глаза и замирает. Если сосредоточиться, можно представить, что в руках не чашка, а морская раковина и в ней мерно дышит прибой. И сидящая рядом мокрая Акеми косится на мальчишку с улыбкой, и к щеке прилипли песчинки...

Выходя из подъезда, он продолжает слышать море. Садится на велосипед, трогается. И не замечает, как его окликают по-

Одержизнь

жилой японец, с которым его разделяет улица и проезжающий по маршруту гиробус.

Домой он возвращается со ссадиной на скуле. На испуганный взгляд Вероники улыбается:

— Почти въехал в соседский забор!

На самом деле он почти увернулся от кулака охранника тюрьмы. Кулак был тяжёлый, меткий, Жилью очень повезло. Только Веронике об этом знать совсем не обязательно.

Пока Жиль уплетает приготовленный Ганной обед, в столовую бочком заходит подозрительно тихая Амелия.

— Мам, Жиль, — зовёт она. — Мне в окно стукнулась птичка. Она свалилась в сад и лежит там.

— Какая птичка, милая? Ну что ты выдумываешь? — улыбается Вероника. — «Понарошка», да?

Дочь делает виноватое лицо, суёт сцепленные в замок руки в карман передника.

— Мам, не понарошка, — вздыхает она.

Вероника и Жиль выходят из дома, следуют за Амелией. На дорожке из серого камня, окаймляющего фундамент дома, раскинув крылья, лежит мёртвая чёрная птаха с алым хвостом. Маленькая — в две детские ладони. Брат и сестра обмениваются ошарашенными взглядами, Вероника приходит в себя первой:

— Амелия! Не прикасайся, я найду, чем её взять.

Она убегает обратно. Жиль опасно рассматривает птицу, присев над ней на корточки. Амелия трогает его за плечо.

— Чего ты? — подмигивает мальчишка. — Испугалась? Я тоже. И откуда она...

— Маме только не говори.

Амелия протягивает вперёд правую руку, разжимает пальцы. На ладони зияет ранка, похожая на приоткрытый птичий клюв. В левой руке Жиль замечает испачканный кровью носовой платок, который девочка быстро прячет в карман передника.

— Я хотела её поднять, чтобы помочь. А она меня укусила. И сразу стала мёртвой.

В день крещения малыша Роберов Амелия Каро задумчива и тиха. Она послушно одевается, не ссорится с Ганной, когда та расчёсывает ей кудри и заплетает волосы в строгую причёску. По пути в Собор Амелия дремлет на заднем сиденье электромобиля, прижавшись к матери, или задумчиво смотрит в окно. Вероника волнуется перед обрядом и не замечает, что с дочерью что-то не так. Амелия смотрит на свою правую ладонь, скрытую изяшной белой перчаткой, водит пальцами по кружевным нашивкам.

— Мам, почему Жиль не с нами? — задаёт Амелия единственный вопрос.

— У него экзамен сегодня, малышка. Если успеет, он встретит нас после крещения.

В Соборе девочка идёт вслед за взрослыми, старательно ступая только по белым плитам мозаичного пола. У входа в сакристию она оборачивается и долго смотрит на витраж, что создавал своими руками отец Ксавье.

— Не хватает... — качает головой девочка. — Их не хватает.

В сакристии мерцает тёплое пламя свечей, сладко и терпко пахнет благовониями. Взрослые стоят плотным полукольцом возле большущей серебряной чаши — похожей на ту, в которой прихожане споласкивают руки. Амелия осторожно протискивается, встаёт рядом с мамой. Мадам Софи держит на руках крошку Мишеля — голенького, в одной белой пелёнке. Малыш хнычет, смешно морщит личико. Священник — не отец Ксавье, а другой, новый, совсем молодой, имени которого девочка ещё не успела запомнить, — облачается в расшитое золотым и алым одеяние, что-то говорит месье Сенешалю — будущему крёстному Мишеля. Отец Ксавье стоит рядом с мадам Софи. «Это чтобы ей не было грустно, что у Мишеля нет папы, — думает Амелия. — У меня тоже теперь вроде как нет...»

Мама в белом платье с шарфом-накидкой очень красивая. Только сильно волнуется. Смотрит внимательно на нового священника, слушает всё, что он говорит. Тот наконец-то подходит к мадам Софи и предлагает начать обряд. Амелия ждёт, что вот

сейчас будет что-то интересное, но кюре нудно сыплет малоознакомыми словами, взрослые повторяют за ним. Амелия тихонечко пробирается между ними, выходит в молельный зал. Он пуст, можно побегать, поползать под скамейками, но именно сегодня не хочется.

Девочка медленно обходит зал, трогая скамейки. Подобрал длинную юбку, поднимается на кафедру, подпрыгивает, выглядывая из-за неё в зал. Кладёт руки на Святое Писание, лежащее на амвоне, пытаясь почувствовать страницы через ткань перчаток. И когда убирает руки, видит на бумаге алое пятно.

— Жиль... — жалобно зовёт Амелия, пятась.

В сакристии оглушительно кричит Мишель. Девочка сжимает правую руку в кулак, со всех ног бежит к чаше для омовений у входа, встаёт на цыпочки, погружает туда руку с растопыренными пальчиками. Тысячи птиц взрываются внутри Амелии испуганным гомоном, она падает, пятная мокрым и розовым платьем, пол. Девочка пытается подняться, но ноги не слушаются, тело выгибает судорогой.

— Мама! Жиль! — зовёт Амелия, думая, что кричит.

Её никто не слышит. Верещит младенец, раздосадованный тем, что на его голову льётся вода, что крест, прикладываемый к его тельцу, холодный и ничем не напоминает на ошупь маму. Софи прячет слёзы, Вероника быстро расправляет рукава снежно-белой крестильной рубашечки, готовясь облачить в неё малыша. Эмильен Сенешаль зажигает белую свечу от церковной, передаёт её Ксавье и принимает Мишеля из рук молодого кюре. Мальчик вопит, мельтеша в воздухе ручонками. Вероника и Софи быстро наряжают мальчика в распашонку, воркуют над ним, успокаивают. Ксавье Ланглу смотрит на нервно подёргивающийся огонёк свечи, прислушивается к чему-то с тревогой.

— Веро, — зовёт он едва слышно. — Где Амелия?

Молодая женщина растерянно озирается вокруг, хмурится:

— Была тут...

Ксавье Ланглу выходит из сакристии первым. Одновременно со стороны левого нефа, ведущего в крыло Университета, выбе-

Одержизнь

гает растрёпанный встревоженный Жиль. Едва не падая, подросток несётся к притвору.

— Веснушка... Ты чего? Ты ушиблась? — испуганно бормочет он, поднимая с пола Амелию. — Вот же ж вот... Держись за меня. Ты что?!

— Жить... жить... — вздрагивая, повторяет на вдохе девочка, глядя куда-то высоко над собой. Зрачки расширены, маленькие ладони будто что-то ищут, пальцы ощупывают воздух.

Подоспевший Ксавье забирает её у Жилия, укладывает на скамью. Амелия извивается, и отцу Ланглу стоит немалых усилий удерживать её на месте. Вероника присаживается рядом, зовёт дочь, тормозит её, срывается в слёзы от страха. Подбегает Софи, прижимающая к себе Мишеля:

— Что случилось? Амелия, детка! Откуда кровь? Она упала?

Жиль стоит посреди притвора, осматривается. Он не видит ничего, откуда девочка могла бы упасть и удариться. Мальчишка растерянно заглядывает в стоящую рядом с ним чашу с водой для омовений.

В мутноватой воде отчётливо виднеется алая галочка — то ли «V», то ли птица, нарисованная детской рукой.

Амелии лучше не становится. Не помогает ни нашатырный спирт, принесённый Ксавье из медкабинета, ни ослабление лент, шнурующих платье.

— Жить... жить... — всхлипывает она, часто дыша и пытаясь что-то схватить перед собой.

Вероника стаскивает с правой руки дочери окровавленную перчатку и испуганно вскрикивает:

— Что это?

Ранка на ладони Амелии пульсирует, кровоточит.

— Что мы смотрим? Нужен врач! Вероника, едем. Софи, Жиль, дождитесь тут.

Эмильен Сенешаль бегом относит девочку в свою машину, дожидается, когда Вероника сядет рядом с ней, и увозит их в госпиталь Второго круга. Несколько минут спустя туда же на велосипеде мчится Жиль.

В госпитале Амелию осматривает пожилой доктор — сутулый, с узловатыми от артрита пальцами. Девочка беспокойно мечется, удержать её на месте невозможно, и приходится привязать к кровати. Ранку на ладони обрабатывают и бинтуют, после уже доктор долго щупает макушку девочки, всматривается в зрачки.

— Мадам, я предполагаю, у вашей дочери эпилептический припадок, — неуверенно говорит врач. — С ней раньше бывало подобное? Теряла сознание? Вела ли она себя странно? Не было ли в последние сутки нервной перегрузки, ссор, потрясений?

Заплаканная Вероника молча качает головой.

— Зрачки одинаково реагируют на свет, симптомов кровоизлияния в мозг нет. Я не нашёл на её голове никаких следов ушиба. Рана на ладони выглядит странно, но, скорее всего, девочка схватилась за что-то острое, падая. То, что мы видим, — судорожный синдром. Это порождение возбуждённого мозга. Я дам вашей дочери хлороформ, это погасит возбуждение в мозгу и уберёт припадок.

Врач выходит, оставив Веронику с дочерью наедине. Та поглаживает Амелию по напряжённой руке, шёпотом просит:

— Доченька, ты только не бойся. Я с тобой, тут тебе помогут. Как только ты поправишься, мы поедем домой.

Хлороформ действует быстро. Девочка умолкает, тело её расслабляется, руки несколько раз мелко вздрагивают, и она погружается в сон.

— Лекарство действует около двадцати минут, но я бы не советовал будить её. Пусть спит, сколько нужно, — наставляет Веронику врач. — Как проснётся, я её осмотрю и, скорее всего, отпущу вас домой.

Молодая женщина кивает, не сводя с Амелии испуганных глаз.

— Месье... Может быть, это и не связано, но... Две недели назад моя дочь нашла мёртвую птицу. Не курицу, нет. Говорит, птица ударилась об окно её комнаты и упала. Я бы не поверила, но мне пришлось трупик самой убирать. Дочь его не касалась.

Одержизнь

— Мадам, такого не может быть! — удивлённо восклицает доктор. — Разве что разморозили эмбрион и вырастили птицу, которая вылетела и... Нет, слишком сложно и абсурдно.

— Но это было. Я положила её в пластиковую коробку и отдала нашему работнику. Он должен был отвезти её в полицию.

Доктор разводит руками:

— Я не знаю, чем болеют птицы. Крысы, кошки — да, это живой источник инфекции. Но птица, способная вызвать эпиприступ... Нет, мадам. Нет и ещё раз нет. Это не связано.

— Тогда с чем это связано?

— Увы, не могу знать. Возможно, сама мадемуазель нам что-то расскажет, когда проснётся. Мадам...

— Бойер. Я Вероника Бойер, а дочку зовут Амелия.

— Очень приятно. Люсьен Шабо. — Доктор отвешивает Веронике лёгкий поклон. — Мадам Бойер, я буду в приёмном покое, это третья дверь от вас слева. Когда проснётся Амелия, просто позовите меня.

Врач возвращается в свой кабинет, где его уже ожидает Жиль. Переминается с ноги на ногу в углу, разглядывая свои запылённые башмаки.

— Простите, месье, — хриловатым от волнения голосом начинает Жиль. — Моя племянница... Её должны были к вам привезти с мамой. Амелия, месье.

Доктор Шабо указывает Жилю на скамейку напротив своего стола:

— Присаживайтесь, юноша. Я дал вашей племяннице лекарство, от которого она спит. Надеюсь, проснётся она прежней здоровой девочкой. Мы поговорили с мадам Бойер, и я сделал вывод, что малышка просто перенервничала.

— А это может быть что-нибудь другое? — осторожно спрашивает подросток.

— Вероятно, но...

— Месье Шабо! — слышится из коридора. — Срочно поднимитесь в послеродовую! Кровотечение!

— Прошу меня извинить, — поспешно извиняется врач и почти бегом покидает кабинет.

Жиль выходит в коридор, усаживается на корточки у стены. Пока он домчался сюда, взмок до нитки. Футболка теперь благоухает потом, спину остужает холодная бетонная стена, дыхание никак не выровняется. И что самое неприятное — он никак не вспомнит, что заставило его нестись по коридорам Университета, расталкивая людей, лезть в оконце на чёрной лестнице и бежать, опережая эхо собственных шагов, меж колоннами Собора. Он точно помнит: что-то стряслось с Амелией. Но кто ему об этом сообщил, память скрывает.

— Так. Соberись, — негромко говорит он сам себе. — Ты сидел, писал ответы на билет. Потом встал, подошёл к профессору... И что? Вот же ж вот...

Мимо Жилия проходит медсестра, неодобрительно косится на него, он поспешно здороваётся. Ноги затекли, приходится встать, походить туда-сюда по коридору. Издалека доносится бой часов: то ли три, то ли уже четыре. Из палат в конце длинного коридора появляются люди в пижамах, бредут к выходу — видимо, на прогулку в больничный парк. Жилю становится тревожно и неудобно. «Вот уж куда точно не хотел бы попасть», — хмуро думает он.

Не даёт покоя сказанное врачом: «Малышка просто перенервничала». Жиль уверен, что нервы Амелии крепче камня. И она способна довести до полного изнеможения кого угодно, при этом ничуть не устав сама. «Перенервничала» — это точно не про веснушку. Значит, месье Шабо неправ.

«Неужели всё дело в птице? — холодеет от догадки Жиль. — Откуда она взялась, почему умерла? Надо врачу сказать, вот так вот!»

Время идёт, а доктор всё не возвращается. Долговязый подросток слушает песни своего пустого желудка, думает о том, что отец Ксавье тоже места себе не находит от волнения и ждёт...

Что-то светлое мелькает на границе зрения, заставляя Жилия повернуться.

— Веро? — окликает он.

Одержизнь

Сестра стоит на пороге палаты, комкая в руках шарф, — растерянная и счастливая.

— Жиль! И ты тут... Проснулась! Она проснулась!

И в подтверждение её слов по коридору разносится недовольный вопль:

— Отвяжите меня немедленно! Я благородная дама, и я хочу писать!!!

III

Правила игры

— Мадемуазель Амелия! Прошу к столу, моя дорогая!

Ганна по пятому разу обходит комнаты, заглядывает под столы, за шкафы, с кряхтением опускается на колени и смотрит под кроватями. Тщетно. Юная озорница спряталась и, наверное, хихикает над немолодой нянькой, сидя в укрытии. Обед стынет, разогретый третий раз за последние полтора часа.

— Моя бесценная деточка, мама будет вами очень недовольна! — умоляюще кричит Ганна, выглядывая в окно: вдруг Амелия играет в саду?

Вот же повезло: третий день как мадам Бойер ездит на работу, а тут раз — и не можешь найти её неугомонную дочь. Нет, Ганна не получит выговор. Вероника слишком её любит, даже голос никогда не повышает. Но когда не можешь отыскать ребёнка, который неделю назад вернулся из госпиталя после странного припадка, это пугает.

— Амелия, миленькая, я сдаюсь! — В голосе няньки слышатся истеричные нотки. — Давайте поиграем во что-нибудь ещё?

Снаружи скрипят, открываясь, ворота. Ганна вздрагивает, прижимает ладонь к безразмерной груди, подхватывает свои многоярусные юбки и спешит к входной двери. Подпрыгивают на бегу десятки переплетённых цветными шнурками тонких косичек. «Если это не малышка — сердце моё этого не вы-

держит!» — думает несчастная нянька, поворачивая дверную ручку.

Амелия гордо шествует по мощёной дорожке, крепко обнимая толстую большую книгу. На лице девочки торжество и что-то похожее на джем. Ганна приглядывается, щуря глаза: так и есть, джем!

— Мадемуазель Амелия, ну где же вы были? — причитает нянька. — Ваши куклы ходили за мной и плакали...

— У папы, — отвечает Амелия таким тоном, будто речь идёт о соседней комнате. — Мне нужна была книга — и я её забрала. Бабушка кричала, как ты сейчас, и пихала в меня сладкое. Если бы я не удрала, я бы спипнулась.

Девочка скидывает туфли на коврик у двери, убегает на второй этаж и оттуда требует:

— Няня! Чаю!

Ганна с облегчением выдыхает и спешит в кухню. Пока она гремит чайником, возвращается Жиль. Тихо проходит в ванную, запирает дверь, садится на пол и долго сидит, уткнувшись лицом в ладони.

— Месье Бойер? — слышится из-за двери голос Ганны. — Вы дома?

— Да, нянюшка, — отзывается он глухо. — Умоюсь и буду в своей комнате.

Шумит, падая в ванну, вода из старинного бронзового крана. Жиль снимает запylённую одежду, встаёт под ледяной душ, запрокинув голову. Быстро-быстро натирает себя жёсткой мочалкой, оставляя на теле красные полосы. Кожа горит от холода и безжалостного отмывания, мальчишка сопит, стиснув зубы. Когда он вылезает из ванны, не думается ни о чём. Просто дико знобит и хочется скорее согреться.

«Прав отец Ксавье. Ледяная вода — отличное средство от тяжких мыслей», — кутаясь в полотенце, размышляет Жиль.

Он протирает зеркало, всматривается в собственное отражение. Ссадина на скуле поджила, синяк поблёл и почти сошёл. Жиль отводит в сторону мокрую чёлку, разглядывает шрамы. Ещё год назад он не стал бы этого делать и вообще избегал

Одержизнь

смотреться в зеркала. А потом ему вдруг стало всё равно, как он выглядит. Как после холодного душа.

Одежда неприятно льнёт к мокрому телу. Жиль ерошит волосы полотенцем, вешает его на край ванны. Глубоко вдыхает, медленно выдыхает. Всё. Он дома, здесь надо беречь нервы семьи и не расстраивать никого мрачной рожей. Такие правила игры.

— Вот так вот, — говорит он своему отражению и покидает ванную.

В своей комнате Жиль обнаруживает сидящую за массивным письменным столом Амелию. Девочка что-то тщательно перерисовывает на листок из раскрытой перед ней книги.

— Привет, веснушка, — окликает он её. — Это ты не на моих конспектах рисуешь, случаем?

— А что они просто так лежат? — не отрываясь от своего занятия, парирует Амелия. — Теперь они у тебя красивые. А ещё у тебя в кровати мокрое пятно. Это не я описалась, это чай пролился.

— Откуда чай-то?

— Я валялась. Он пролился, — лаконично поясняет она.

Мальчишка подходит ближе, присматривается к рисунку. Амелия увлечённо возит мелком по бумаге, от старания сопя и морща нос. Поверх остроугольных, пляшущих строчек, написанных рукой Жили, появляется птица. Чёрное маленькое тело, круглый глаз, острый приоткрытый клюв, ярко-алое оперенье под коротким хвостом... Жиль чувствует, как возвращается озноб. Взгляд словно примёрз к картинке. «Горехвостка», — старательно выводит Амелия крупными кривыми буквами.

— «Гори», — поправляет мальчишка хрипло. — Ты пишешь с ошибкой.

— Это в книге с ошибкой, — качает головой малышка. — Её так зовут, потому что она беду приносит. А не потому, что у неё красная попа.

Жиль берёт со стола книгу, закрывает её, смотрит на обложку, листает глянцевые листы. Фолиант толстый, тяжёлый, слегка тронутые желтизной страницы украшены крупными изо-

бражениями птиц. Все они такие разные, и их так много, что трудно поверить в то, что раньше в мире было такое изобилие.

— «Определитель птиц Европы»... Веснушка, откуда это?

— Я забрала из папиной библиотеки, — гордо отвечает Амелия. — Охрана меня пропустила. Зверя не было поблизости, я прошла и унесла книгу. Правда, меня поймала бабушка и...

— Тебе туда нельзя, — строго выговаривает ей Жиль. — Ты что, не помнишь, что судья сказал?

Амелия бросает мелок на пол и обиженно складывает руки на груди.

— Ты противный. Я смелая, через всё Ядро прошла ногами, а ты такой противный. Ты всегда такой, когда едешь к своей Акеми!

Жиль сует книгу в ящик стола, задвигает его. Очень хочется сказать воинствующей мелочи что-то резкое, осадить её, но нельзя. Она маленькая, он же почти взрослый. Приходится терпеть. Он вытаскивает из бельевого ящика безразмерную футболку, надевает её, усаживается на подоконник и отворачивается от Амелии. Девочка выжидает пять минут, десять. Переставляет предметы на столе, рассматривает конспекты Жилия, косится на него, надув губы. И наконец не выдерживает: подходит понуро, тянет за край футболки:

— Мне скучно. Поиграй со мной!

— Пойди порисуй, — холодно отзывается он, глядя в окно.

— Я порисовала. Мне надоело, — ноет Амелия.

Жиль лишь пожимает плечами. Девочка горестно вздыхает, берёт с комода чайную чашку, заглядывает в неё, ставит обратно. Залезает на кровать Жилия, сбрасывает на пол подушки и принимается прыгать по ним. Оступается, шлёпается на ковровую дорожку.

— Ай! Я упала в воду! Я утону! — верещит она, барахтаясь и колотя по ковровой дорожке кулаками и пятками. — Спаси меня, пожалуйста!

От пронзительных воплей только что стёкла в окнах не дребезжат. Жиль честно выжидает минуту в надежде на то, что

Одержизнь

Амелии надоест эта игра и племянница утихнет. Но тщетно. «Тонушая» так красочно живописует ледяную воду и подплывающих к ней чудовищ, что у парня не выдерживают нервы. Он слезает с подоконника, подходит к валяющейся ничком Амелии и протягивает руку:

— Так, спасайся давай. И марш к нянюшке.

Девочка ловко хватается за его ладонь, подтягивается и ныряет под футболку Жилья.

— Ух ты! — восклицает она. — Тут можно жить вдвоём! Жилья, побудь моим домиком.

— Ну уж нет, иди отсюда, — ворчит подросток, пытаюсь отцепить от себя племянницу.

Она смеётся, карабкается по нему, повисает рюкзаком на плечах, и вот уже Жилья улыбается, вскидывает её на закорки, кружит по комнате, придерживая под коленки. Хохот, визг, удивление заглянувшей на шум Ганны...

Внезапно оба умолкают и замирают, словно их кто-то окликнул вдалеке. Амелия поправляет измятое домашнее платье, делает несколько шагов по комнате, пошатываясь и тяжело дыша, как после быстрого бега.

— Веснушка, что?.. — успевает спросить Жилья.

— Мне... на-до, — неестественно растягивая слова, говорит девочка. Слова звучат невнятно, будто их за Амелию провозит кто-то чужой.

Шаг в направлении выхода из комнаты — и малышка падает, закатив глаза. Руки тянутся вперёд, пальчики ощупывают воздух.

— Жить... — слышит мальчишка уже знакомый всхлип. — Жить... Жить...

— Ганна!!! — орёт он в ужасе. — Беги за врачом! Амелии плохо!

Не дожидаясь ответа няньки, он подхватывает девочку под мышки, поднимает.

— Эй, веснуха, ну-ка... Амелия, ты меня слышишь?

Распахнутые карие глаза ребёнка словно подёрнуты пеленой, губы кривятся, будто девочка и кто-то чужой борются за

право говорить. Жилю кажется, что где-то глубоко внутри него Амелия о чём-то просит, и если он прислушается — поймёт, что надо делать.

— Жить... жить...

Босой, с девочкой на руках, Жиль выбегает из дома. До ворот остаётся несколько шагов, когда Амелия выгибается дугой, и удержать её никак не удаётся. Жиль падает, роняя девочку на себя, чтобы не ушиблась. И пока он встаёт, она успевает отползти в сторону от мощёной дорожки. Амелия садится прямо в заросли примул, погружает пальчики в землю и долго, удовлетворённо выдыхает. Её глаза всё так же слепо смотрят в никуда, но Жиль чувствует, что произошло нечто, от чего ей стало легче. Он снова подхватывает девочку под мышки, тянет на себя.

От визга Амелии звенит в ушах. Жиль разжимает руки, невольно возвращая малышку в помятые примулы. Она тут же набирает полные пригоршни земли и начинает мять её в ладонях. Жиль заворожённо наблюдает за её действиями: в маленьких пальцах Амелии податливая земля постепенно превращается во что-то странное. Будто девочка лепит из глины.

Под руками Амелии появляется сперва нечто удлинённой формы, с одного конца утолщённое и закруглённое, с другого переходящее в тоненький длинный хвост. Ещё несколько движений — у фигурки появляются лапы. По две ближе к хвосту и тому, что Жиль для себя определил как голову. Амелия поглаживает фигурку, ногтями вычерчивая мелкие детали, и вот уже перед ней лежит светло-серый, словно пыль, дракон величиной с ладонь взрослого человека. Жиль видел такого в книжках, которые Вероника и Амелия так любят читать перед сном.

— Жить, — певуче просит Амелия, склонившись над драконом, дыша на него теплом. — Жить...

Жиль стоит рядом с девочкой, боясь даже коснуться её. Он откуда-то знает, что сейчас её нельзя трогать, что только так будет лучше. Надо просто быть рядом с ней и ждать. Он не подпускает к ней никого. Ни Ганну, ни примчавшегося с ней врача. Только просит принести из дома одеяло, чтобы малышка

Одержимость

не замёрзла. Постепенно Амелия успокаивается, стихает похожее на мольбу «Жить!..».

Когда возвращается домой Вероника вместе с Ксавье, укрытая одеялом Амелия спит в измятых цветах, свернувшись вкруж созданной ею фигурки. Жиль сидит рядом с ней, слушая каждый вдох.

— Веро, у нас опять, — виновато сообщает он сестре. — Ты не пугайся только. Мы, похоже, сами справились.

Пока Жиль, путаясь и сбиваясь, рассказывает Веронике подробности произошедшего, отец Ксавье склоняется над спящей девочкой и внимательно рассматривает фигурку. Зверёк в объятьях малышки сделан невероятно детально, словно живой. Ксавье осторожно касается его пальцем, и дракон рассыпается сухой пылью в одно мгновение. Отец Ланглу отдергивает руку... и встречается взглядом с Амелией.

В глазах девочки он читает ту же болезненную тоску и сожаление, что прятала под ресницами Вероника, потеряв ребёнка.

— Веточка?

Услышав шёпот Ксавье, Вероника поднимает голову с измятой подушки, поправляет сползшую с плеча тонкую ночную рубашку.

— Спит? — тихо спрашивает мужчина, кивнув на неподвижно лежащую в кровати Амелию.

Вероника прислушивается: дочь ровно, глубоко дышит. Голубоватый свет луны, льющийся из окна, позволяет рассмотреть умиротворённое лицо Амелии. Ладонь левой руки покоится на торчащей из-под подушки книге, которую малышка рассматривала перед сном. Старинные сказки о животных. Вероника была уверена, что эта книга осталась в доме Каро, но дочь упрямо требовала пойти и поискать её в библиотеке. И вот же удивительно: Ганна её нашла.

Ксавье тихо проходит в детскую, опускается в кресло возле кровати рядом с Вероникой.

Одержизнь

— Тебе надо поспать, — обращается он к ней. — Я покараулю. Через три часа Жиль меня сменит, мы договорились. Иди, родная.

— Я не усну, — еле слышно отвечает молодая женщина. — Не гони меня.

Священник накрывает её своей рубашкой, поглаживает растрёпанные светлые пряди возле уха. Вероника пододвигается ближе к краю кровати и замирает под его рукой. И от нехитрой ласки тревоги, владеющие Вероникой, отступают, тают, и вот уже она мирно сопит во сне.

За окном качает деревья ветер, бросая на подоконник пригоршни мелких бело-розовых лепестков. В Ядре цветут сады, ночной воздух напоён особенно сладким ароматом. Утром сюда слетится вся маленькая пасека Собора. Каждая крохотная труженица-пчела несколько раз за день преодолевает путь во много километров, чтобы у людей Азиля были лекарства и сладкое лакомство.

«Труженица моя, — с нежностью думает Ксавье Ланглу, поглаживая спящую Веронику. — Сколько же силы в тебе, Верочка. На тебе и дом, и двое неугомонных детей, и работа... И тебе нужна помощь. Ты не просишь о ней, привыкла всё тащить одна, но помощь необходима. Я слышу, о чём шепчутся за твоей спиной. Я знаю, каково тебе появляться одной в обществе. Как тяжело делать вид, что всё хорошо, что ты легка, свободна и ни в чём не нуждаешься. Мне известно, кто стирает и чинит платья, в которых ты выходишь в свет. Руки, которые раньше пахли кремами, теперь всё чаще пахнут мылом. Ты донашиваешь материнские туфли и ведёшь блокнот, в который пишешь не сказки, а распределение купонов. Сколько на еду, сколько отдать Ганне, сколько подсобному рабочему...»

Прядь волос, что струилась раньше между пальцами шёлковой ленточкой, теперь стала грубее. Волосы цепляются за пальцы, путаются. Ксавье качает головой, отгоняя грустные мысли.

«Тебе нужна помощь, родная. Город в упадке, всем нелегко сейчас. В Ядре это не ощущается, если живёшь в семье с надёжным доходом. А ты словно страница, вырванная из книги. И не вложить обратно. Только строить новый сюжет вокруг тебя. Иначе никак. Я знаю, как это сделать. Но хватит ли у меня решимости на этот шаг? Что бы ты ни говорила, мы слишком зависимы от окружающих».

Ксавье бесшумно встаёт, склоняется над Амелией, поправляет укрывающее её одеяло. Девочка размеренно посапывает, сон её глубок и спокоен. Она ничуть не выглядит больной. И Ксавье Ланглу ловит себя на мысли о том, что недуг Амелии — нечто иное, нежели болезнь тела.

«Фигурка, что она создала, слишком сложна, чтобы быть обычным творением детских рук, — вспоминает Ксавье. — Пропорции, проработка мелких деталей — ребёнку семи лет такое не по силам. Жиль сказал, Амелия слепила это за несколько минут. Это невозможно. Ощущение, что ею кто-то управлял. Я не верю в бесов, но наш случай тянет именно на одержимость».

Мягкий акриловый ковёр скрадывает звук шагов. Священник ходит по комнате, пытаясь анализировать ситуацию.

«Что я знаю? Почти ничего. Первый приступ случился в Соборе, во время крещения маленького Робера. Амелия не участвовала в таинстве, ничего не ела и не пила из того, что могло повлиять на сознание. Гостию. Она могла найти и съесть гостию? Там же добавки из... Нет, даже если их съесть горсть, не будет такого эффекта. Значит, причина вне Собора. Гипноз? Нет, эта версия не лучше. Сегодня всё происходило при Жиле, в прошлый раз его рядом не было. Жиль. Стоп».

Ксавье останавливается напротив старинного зеркала в человеческий рост. Лунный свет из окна, отражённый амальгамой, заливает комнату серебристо-молочным маревом. Священник касается тяжёлой бронзовой рамы, оглядывает комнату в отражении. Ночная комната в зеркале кажется другим миром. Похожим на прежний, но в чём-то иным, неизвестным.

Одержизнь

«Что-то произошло в тот день. Жиль прибежал почти сразу, как малышке стало плохо. Примчался со всех ног. Не просто пришёл после экзамена. Это не совпадение».

Отражение не отпускает, притягивает взгляд. Что-то есть в нём, что-то...

«Мир изменился. Мир породил что-то новое в обновлённых условиях, — со страхом понимает Ксавье. — Амелия и Жиль это уловили. Я не понимаю какая, но связь есть. Я пока только чувствую. Надо поговорить с Жилем».

Мальчишка приходит сменить Ксавье ровно через три часа — как и обещал. Священник выводит Жилия в коридор, бесшумно прикрывает за собой дверь.

— Сынок, надо поговорить. Спустимся в гостиную.

Жиль кивает и послушно спускается по лестнице на первый этаж. Заглядывает на кухню, возвращается со стаканом воды. Взъерошенный, в мятой футболке и штанах, в которых ходит на улице.

— Я так и не уснул, — признаётся он Ксавье. — Думал о веснушке. Учитель, чем она может быть больна?

— Если бы я только знал... Но я даже не врач.

Ксавье включает ночник в гостиной. Они с мальчишкой присаживаются на жёсткий диван с вытертой до потери цвета обивкой. Жиль пьёт воду, роняя капли на растянутую футболку. Допив, ставит стакан на край стола, по которому разбросаны мелки и рисунки Амелии. Тусклый свет преломляется на гранях стакана, оставляя на столешнице невнятную радугу.

— Скажи мне... — задумчиво начинает Ксавье Ланглу. — Ты хорошо помнишь, что происходило вчера и в тот день, когда Амелии стало плохо впервые?

— Вчера — очень хорошо. А в тот день был момент, который у меня из памяти выпал.

— Это который?

— Я не помню, что заставило меня бежать к вам из учебного крыла. Вроде сидел, готовился отвечать профессору, потом послышалось, что меня окликнули, бах — темнота, и я уже Амелию с пола поднимаю.

— А вчера такого не было?

Подросток хмурится, взгляд беспокойно мечется под опущенными ресницами. Ксавье внимательно наблюдает за ним, ждёт.

— Вчера было иное. Мы играли, и... чувство такое, словно что-то вот-вот случится. Как будто что-то, что ты вот-вот увидишь, скользнуло по краю зрения.

Священник берёт в руки один из рисунков девочки. Радужный блик от стакана смещается, тускнеет. Жиль заглядывает Ксавье через плечо, видит картинку: дом, фигурка человека с бородой, дерево с сиреневыми листьями и сидящая на дереве птица. На столе лежит ещё несколько листков, украшенных птицами поверх конспектов по социологии и истории.

— Учитель, — окликает Жиль. — Я не говорил Веро, но вы должны знать. Амелия неспроста птиц рисует.

— Веточка говорила, что малышка нашла мёртвую...

— Не мёртвую, — пребывает его воспитанник. — Мёртвой она стала после того, как ранила Амелию клювом в ладонь. Веснушка её в руки брала.

Ксавье поражённо молчит, глядя на рисунок. Переводит взгляд на виновато притихшего Жилия.

— Почему ты говоришь мне об этом только сейчас? — жёстко спрашивает он у подростка.

Мальчишка резко вскакивает с дивана и направляется в сторону лестницы на второй этаж.

— Жиль!

Окрик Ксавье заставляет его обернуться.

— Потому что только сейчас ты с нами, — с упреком отвечает Жиль и уходит, оставляя священника в одиночестве.

На рассвете Вероника Бойер просыпается с чувством, будто пропустила что-то важное. Она с тревогой вглядывается в лицо безмятежно спящей Амелии, переводит взгляд на сидящего у окна понурого Жилия. Нет, не это...

Стучат по ступенькам босые пятки, распахивается входная дверь. Подол ночной рубашки цепляется за металлическую завитушку решётки, ткань с треском рвётся. Вероника беспо-

Одержизнь

мощно охает. И этот звук заставляет Ксавье Ланглу, закрывающего за собой ворота, поднять голову и оглянуться.

Воспоминание яркое, обжигающее, словно стыд: он стоит и смотрит, как Вероника в мужской рубашке и брюках быстро поднимается по склону от Орба к дороге через мост близ дома Каро. «Она попрашивается с малышкой, а я пока отгоню лодку чуть выше по течению. И дождусь её...»

— Ксавье, подожди! — Голос тихий, молящий.

Она налетает на него маленьким вихрем, задев плечом створку ворот. Подпрыгнув, обнимает за шею. Такая тёплая, пахнущая сном и домом. Такую хочется обхватить, вжать в себя, спрятать и носить под сердцем. В самом центре себя.

— Всё хорошо, Веточка. Я вернусь вечером, после мессы, — шепчет Ксавье Ланглу в прикрытое спутанными пшеничными прядями ухо. — Мне надо кое-кого навестить. Это нужно для нас. Я потом расскажу. Отпускай, родная. Всё, всё...

Он поднимает её, подхватив одной рукой, доносит до дома, ставит босыми ногами на ступеньки, бережно берёт её лицо в ладони, целует прикрытые глаза. Маленький ритуал. Он всегда так делает, когда прощается. Вероника поправляет воротник его рубахи и улыбается:

— Я успела. Теперь всё точно будет хорошо, да?

— Да. Беги наверх, заберись под одеяло, обними подушку крепко-крепко. Я приснюсь. Только помни...

— Не оглядываться, — кивает Вероника и послушно возвращается в дом.

Грусти нет. Ритуалы всегда успокаивают юную мадам Бойер. Дом дышит уютным утренним сном — самым тонким, самым сладким. Жиль спит в кресле, Амелия в своей любимой манере раскинула руки, заняв половину большой кровати. Вероника ложится рядом с ней, вдыхает слабый запах церковных благовоний, оставленный рубашкой Ксавье.

«Я в середине тебя. А ты — середина меня», — думает она и улыбается.

За завтраком в дверь дома Бойер стучат, и Ганна, шелестя юбками и ворча, торопится открыть.

— Папа? — оторвавшись от каши с первой клубникой, вопрошает Амелия.

— Мы кого-то ждём в такую рань? — хмуро обращается к Веронике Жиль.

Ганна заглядывает в гостиную, и по её смуглому лицу сразу понятно, что на пороге гости, которых не ждали.

— Вероника... Мадам Бойер, — тут же поправляется нянька. — Там вас спрашивает врач из госпиталя, месье Шабо. С ним ваш доктор месье Ламонтань.

Вероника промокает губы салфеткой, встаёт из-за стола.

— Странно. Может, Ксавье их позвал? — говорит она и спешит в вестибюль.

Оба доктора вежливо ждут её у двери. Ботинки пожилого Люсьена Шабо мокры от утренней росы, он растирает кисти тронутых артритом рук так, будто ему зябко. Тридцатипятилетний скуластый брюнет Франсуа Ламонтань с интересом рассматривает репродукцию «Девочки на шаре» Пикассо на освещённой солнцем стене вестибюля.

— Доброго утра, месье Ламонтань, месье Шабо, — лёгким полупоклоном приветствует их Вероника. — Прошу, проходите.

— Доброе утро, мадам Бойер, — вежливо улыбается Ламонтань. — Мы с коллегой сожалеем, что нарушили ваш покой без предупреждения. Срочное дело.

— Что-то насчёт Амелии? — напряжённо спрашивает Вероника.

— Видимо, да, — отвечает доктор Шабо. — Мадам Бойер, нам необходимо поговорить с вами и вашей дочерью. Вчера в госпиталь доставили более трёх десятков детей с точно такими же симптомами, как у мадемуазель Амелии.

Вероника бледнеет.

Одержимость

— Пройдёмте в кабинет моего отца, месье, — предлагает она докторам. — Амелия заканчивает завтрак. Я провожу вас и приведу её.

— Всё, мадемуазель Каро, можете одеваться.

Доктор Ламонтань вежливо улыбается, протягивает девочке платье. Амелия сердито зыркает на него, подтягивает трусы чуть ли не до подмышек и прячется за Веронику. Врачи отходят к окну, вполголоса обмениваются несколькими фразами. Шабо кивает, Ламонтань разводит руками.

— Прошу прощения?.. — окликает их встревоженная Вероника.

— Да, мадам Бойер, извините. У нас с месье Шабо своего рода консилиум. Ситуация, сами понимаете, весьма нестандартная.

— Понимаю, — нервно отвечает молодая женщина, помогая Амелии надеть платье и ловко шнуруя лентой корсаж. — И меня это волнует куда больше, чем вы думаете. Вы что-то выяснили? Что дал осмотр моей дочери?

Люсьен Шабо прячет скрюченные пальцы в карманы поношенной куртки, склоняет голову к плечу.

— Мадам Бойер, всё как и в прошлый раз, — успокаивающим тоном начинает он. — На вид ваша дочь абсолютно здорова. Здорова соматически.

— Телом, — поясняет Ламонтань.

— Именно. Тогда, в госпитале, я думал о самом плохом — опухоли в голове девочки. И не решился озвучить свою гипотезу. И правильно сделал. Когда вчера ко мне повалили испуганные родители, таща спящих или полусонных после приступа детей, я исключил вариант опухоли у Амелии полностью.

Вероника внимательно слушает. Дочь стоит рядом, обхватив её руками за талию и спрятав лицо у матери на животе. Всё время, пока её осматривали доктора, она пыталась что-то им рассказывать, и Веронике пришлось несколько раз её одёрнуть. И теперь Амелия молчит и дуется.

— Я выдвинул версию о массовом психозе, — вступает в беседу Ламонтань. — Или гипнозе, но здесь одно «но»: невозможно загипнотизировать одновременно три с лишним десятка человек, находящихся вдалеке друг от друга. Дети, поступившие в госпиталь, живут в самых разных районах города. Значит, остаётся версия отравления неизвестным веществом. Что-то психотропное.

— Простите, что? — оторопело переспрашивает Вероника.

— То, что проникает в мозг ребёнка, заставляет тело совершать неподконтрольные движения и вызывает галлюцинации, — терпеливо объясняет Франсуа Ламонтань.

Люсьен Шабо качает головой, грозит пальцем:

— Нет, уважаемый коллега, нет и ещё раз нет! Из известных с древности веществ ни одно не способно заставить разных людей видеть и говорить одно и то же! Это что-то принципиально новое. Возможно, микроспоры. Вероятно, вирус. Мадам Бойер, я считаю, что в заново рождённом мире могло появиться нечто неизвестное. И дети оказались восприимчивее всех.

Амелия чуть поворачивает голову, косится на врачей одним глазом и обиженно заявляет:

— Ничего-то вы не понимаете. Это одержизнь. Сами вы люцинации.

— Амелия! — возмущённо фыркает Вероника.

Девочка отступает на шаг, сердито топает ногой:

— Никогда меня не слушают! Думаете, я глупая? Сами такие! Я больше вас знаю, вот!

Врачи обмениваются взглядами, оба снисходительно улыбаются. Ламонтань присаживается перед воинствующей малышкой на корточки:

— Мадемуазель, если вы нам поможете разобраться — с меня кулёк конфет, — предлагает он.

Амелия молчит, бурвя его недобрый взглядом.

— Вот вы, месье Франсуа, точно ничего не знаете. Вам это не вылечить. И будет только хуже! — выдаёт она отчаянно и гордым шагом покидает комнату.

Одержимость

Доктора сдержанно смеются, и Ламонтань сообщает Веронике:

— Суровая у вас дочь, мадам Бойер! Вся в отца.

— Моего в ней ничего нет, — славенно отвечает молодая женщина. — Я её только вырастила.

— А биологическая мать?

Вероника одаривает его таким тяжёлым взглядом, что Ламонтань предпочитает не развивать тему дальше. Он извиняется за некорректный вопрос и спрашивает о здоровье хозяйки дома.

— Удовлетворительное, — прохладно отвечает она. — Месье, я хотела бы услышать, что вы намерены дальше предпринимать.

— А уже предпринимаем, мадам Бойер.

Доктор Шабо присаживается на край стула, по-стариковски опираясь ладонями о колени.

— Все заболевшие дети изолированы и находятся под круглосуточным наблюдением. Никто из медиков пока не видел приступов у больных, потому следят за ними особенно тщательно. Я рекомендовал забрать под наблюдение и Амелию, но...

— Нет, — твёрдо отрезает Вероника.

Люсьен Шабо кивает седой головой:

— Я знал. И я не могу вам приказать, увы. Но именно мадемуазель могла бы многое прояснить в ситуации. Я вижу, ей о себе и своём недуге известно больше, чем нам.

— Как она это назвала? — задумчиво спрашивает Ламонтань. — Одер... жизнь?

В кабинете душно, но Вероника мёрзнет. Нервно потягивает рукав, стараясь спрятать пальцы. Ей всё кажется, что за разговором с докторами кроется что-то нехорошее. Но что — она не может уловить. Сидя в кресле с высокой спинкой здесь, в кабинете отца, наедине с двумя малознакомыми мужчинами, Вероника чувствует себя беззащитной. Будто она мышь, вокруг которой ходят два сытых кота.

«Только я у себя дома».

Эта мысль неожиданно придаёт ей уверенности. Вероника расправляет плечи, поднимает подбородок.

— Месье Ламонтань, месье Шабо, — вежливо обращается она к врачам. — Я так и не услышала, что именно вы планируете делать для излечения моей дочери.

Теперь уже мужчины чувствуют себя неловко. Молчание затягивается, Вероника испытующе смотрит то на одного доктора, то на другого.

— Мадам Бойер, — мягко начинает Шабо. — Вы сами понимаете, что болезнь, с которой мы столкнулись, — это нечто новое. Диагностические возможности у нас невелики, потому... Мы толком не можем понять, с чем имеем дело. Значит, лечение можем рекомендовать только симптоматическое.

— Какое? Выразайтесь, пожалуйста, понятным языком. — В голосе Вероники звенит металл. — Вы сейчас говорите не с медиком.

— Фиксировать ребёнка во время приступа, поить успокоительными травами. Возможно, давать ложку крепкого алкоголя или обливать холодной водой, если приступ затянется, — скучно перечисляет Ламонтань.

Вероника резко поднимается из кресла:

— Благодарю вас, месье. Вы очень внимательны ко мне и моей дочери. Я высоко это ценю. Спасибо вам за визит, не смею более задерживать.

Туфли на низком каблуке мерно отстукивают по паркету. Вероника покидает отцовский кабинет первая. Придерживает дверь, ожидая, пока выйдут визитёры.

— Ганна вас проводит. Ещё раз благодарю. До свидания, месье Ламонтань. До свидания, месье Шабо, — сухим, официальным тоном прощается молодая женщина.

Когда за докторами закрывается входная дверь, Вероника бегом бросается в комнату дочери. Амелия и Жиль стоят у окна, молча провожая визитёров оттопыренными средними пальцами на руках.

— Жиль! — возмущённо восклицает Вероника. — Ты чему её учишь?!